UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00101598 1

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 43-44

Ш. ГОРѢЛИКЪ

СИЛУЭТЫ ЕВРЕЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

PJ
5121
G6517
1923
c.1
ROBA

РУССКОЕ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ

Русское Универсальное Издательство

Берлинъ W 30, Мартинъ-Лютерштрассе 96.

„Всемірный Пантеонъ"

ПАМЯТНИКИ МІРОВОИ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 1—2. **Шекспиръ.** Гамлетъ.
№ 3—4. **Гете.** Фаустъ.
№ 5. **Гейне.** Изъ „Книги Пѣсенъ".
№ 6—7. **Диккенсъ.** Гимнъ Рождеству.
№ 8—9. **Додэ.** Тартаренъ изъ Тараскона.
№ 10. **Козьма Прутковъ.** Избранныя сочиненія. (2-ое изданіе).
№ 11. **Шекспиръ.** Макбетъ.
№ 12-13. **Изъ новѣйшей нѣмецкой лирики.** (2-ое изданіе).
№ 14. **Поэ.** Убійство въ улицѣ Моргъ.
№ 17-18. **Диккенсъ.** Сверчокъ на печи.
№ 19. **Г. фонъ Гофмансталь.** Смерть Тиціана.
№ 20. **Французская лирика.**
№ 21-22. **Боккачіо.** Декамеронъ.
№ 24-25. **Еврейскій сборникъ.** (Ш. Ашъ, А. Перецъ, Х. Бяликъ, Тайтшъ, Ш. Алейхемъ).
№ 26-27. **Данте.** Адъ.
№ 28-30. **Ѳ. М. Достоевскій.** Бѣдные люди
№ 33-36. **Бальзакъ.** Шагреневая кожа.
№ 37-39. **Эротика въ русской поэзіи.** Сборникъ стиховъ.

106 р
016
01639/2

Всеобщая Библіотека

№ 43-44

Ш. ГОРѢЛИКЪ

СИЛУЭТЫ ЕВРЕЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Переводъ С. Лабковскаго.

△▽△

MICROFORMED BY PRESERVATION SERVICES
DATE JUL 25 1989

Русское Универсальное Издательство
БЕРЛИНЪ
1 9 2 3

DRUCK KUMMER & Co., G. M. B. H.
BERLIN C. 2, NEUE PROMENADE 6

1.

МЕНДЕЛЕ.

(Симонъ - Яковъ Абрамовичъ).

PURCHASED FOR THE

University of Toronto Library

FROM THE

Joseph and Gertie Schwartz
Memorial Library Fund

FOR THE SUPPORT OF

Jewish Studies

МЕНДЕЛЕ.

Менделе на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ перешагнулъ библейскій возрастъ. Въ то время, какъ многіе молодые представители еврейской литературы, многіе изъ его соратниковъ, товарищей, многочисленныхъ «внуковъ» его вокругъ него падали, этотъ патріархъ стоялъ еще крѣпко и вовсе не собирался умирать... Старый дубъ вросъ глубоко въ землю, здоровые корни все еще поддерживали старческое тѣло, пока природа мягкой рукой своей не потушила тихій огонекъ его жизни: «Пора, молъ, дѣдушка, чужой вѣкъ заживаешь!»

Мы, пережившіе его внуки, занесенные судьбой среди этихъ холодныхъ, чуждыхъ горъ, можемъ памяти благороднаго старца воздать честь съ тѣмъ чувствомъ внутренняго мира и спокойствія, котораго не хватало намъ, когда мы получили извѣстіе о кончинѣ Переца, Шоломъ-Алейхема и Фруга. Тамъ было несправедливое, преждевременное вмѣшательство природы, внезапно вырвавшей свои жертвы, здѣсь мы стоимъ передъ закономъ, и мы тихо погружаемся въ воспоминанія о героической жизни и дѣятельности нашего славнаго старика, этого великаго борца и мастера пера.

Онъ жилъ въ тѣ времена, когда заря просвѣщенія лишь занималась надъ Тунеядовкой, Тетеревкой, Глупскомъ и окрестными трясинами, освѣтивъ всѣхъ этихъ лавочниковъ, сборщиковъ податей, «маленькихъ людей», людей съ дрожащею душою. Небольшая кучка еврейскихъ интеллигентовъ, только что рожденныхъ европейской культурой и ею воспламененныхъ, вернулась въ еврейскія мѣстечки съ огнемъ просвѣщенія. Она содрогнулась отъ представшаго передъ нею міра запущенности и полной покорности судьбѣ. Еврейская жизнь напоминала тогда жизнь въ окопахъ. Евреи отгородились отъ внѣшняго міра, имъ дѣйствительно удалось сохранить свою сущность, но зато ни одинъ лучъ свѣта не пробился къ нимъ. Достойнымъ удивленія путемъ, масса сохранила свое красочное своеобразіе, но личность оказалась обреченной на тяжкія страданія.

Тогдашняя русская жизнь была еще очень примитивна. Уѣздный городокъ и помѣщичья усадьба съ еврейскимъ мѣстечкомъ въ окрестности — такова собственно была картина тогдашней русской жизни. А надъ этой картиной рѣяли гдѣ-то въ туманной дали овѣянныя фантазіей мощные города-столицы со сказочными властелинами.

Будничная жизнь русскаго народа протекала въ тѣ времена — въ эпоху крѣпостного права и въ періодъ послѣ его паденія — еще въ довольно суровыхъ условіяхъ. Евреи, которымъ въ борьбѣ за существованіе приходилось вступать въ сношенія съ внѣшимъ міромъ, разсматривали эти сношенія, какъ суровую необходимость. Они покупали у крестьянъ на базарѣ все, что только можно было покупать. Но когда они этихъ крестьянъ встрѣчали гдѣ-нибудь у

опушки лѣса или въ самомъ лѣсу, то они мнили себя въ величайшей опасности; безобидный Иванъ въ фантазіи еврея выросталъ въ свирѣпаго разбойника.

Въ «*Странствіяхъ Беньямина Третьяго*», этомъ чудеснѣйшемъ произведеніи нашей литературы, съ мягкимъ, солнечнымъ юморомъ, изображается еврейскій Донъ-Кихотъ, взыскующій «града невѣдомаго», жаждущій открыть страну «золотоволосыхъ евреевъ», якобы обитающихъ на берегахъ таинственной рѣки *Самбатіонъ*... Этотъ восхитительный, поэтически настроенный, опьяненный фантастическими мечтами Беньяминъ уходитъ изъ города, бродитъ по лѣсу, очарованный гномами, свѣтлячками и кротами, погруженный въ видѣнія. Вдругъ откуда-то доносится человѣческій голосъ. Бѣжать! Но вѣрность мечтѣ въ душѣ его борется со страхомъ. Какъ! Онъ только-что собирался открыть страну «золотоволосыхъ евреевъ», только что готовъ былъ явиться туда героемъ, можетъ ли онъ бѣжать? И онъ мужественно идетъ навстрѣчу опасности.

«Нашъ Беньяминъ, дѣйствительно, вернулся и, полный увѣренности, шагалъ отважно, какъ герой, пока не услыхалъ совсѣмъ близко голоса разбойника... Это былъ крестьянинъ; телѣга его, запряженная парой воловъ, была до верху нагружена полными мѣшками.

— «Добрый день!» — сказалъ вдругъ Беньяминъ измѣнившимся голосомъ, въ которомъ звучало все, что угодно: и испугъ, и молитва, и сдача на милость врагу: «сдѣлай со мной все, что хочешь!», и отчаяніе: «О, горе мнѣ! Смилуйся надо мной, надъ моей женой, надъ моими бѣдными дѣтками!..» Что удивительнаго въ томъ, что волненіе, охватившее

Беньямина, лишило его послѣдняго остатка силъ, парализованныхъ какъ бы въ столбнякѣ: онъ упалъ, какъ мертвый, на землю и, когда спустя нѣкоторое время опять открылъ глаза, онъ увидѣлъ себя въ крестьянской телѣгѣ, лежащимъ на мѣшкахъ съ картофелемъ — подъ покровомъ толстой шерстяной свитки. Тутъ только въ немъ просыпается настоящій ужасъ. Страшныя картины ожидающаго его будущаго овладѣваютъ его воображеніемъ. Онъ увѣренъ, что его везутъ продавать.

Контрастъ между добродушіемъ крестьянина и страхомъ Беньямина изображенъ съ прелестнымъ, мягкой ироніей пропитаннымъ юморомъ.

Менделе страдалъ отъ того, что его Кобцанскіе и Гунеядовскіе евреи, которые у себя дома, среди «своихъ», такъ любятъ бахвалиться, оказывались невѣроятными трусами при малѣйшемъ соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ. Однако, по условіямъ тогдашней эпохи, когда арендаторъ считался крупнѣйшимъ богачемъ. а помѣщичья усадьба, овѣянная легендами, казалась сказочнымъ замкомъ, окутаннымъ таинственнымъ покрываломъ «Тысячи и одной ночи», оно иначе и быть не могло.

А какъ выглядѣло само гетто? Глазамъ и наболѣвшему сердцу Менделе оно казалось картиной безотрадной. Еврейская жизнь кишѣла Шлеміилями *), бездѣльниками, ханжами, ябедниками, вообще сомнительнаго рода индивидуумами. Талмудисты, сидя въ молельнѣ за печкой, занимались высокой и общественной политикой, предоставивъ женамъ своимъ заботу о прокормленіи семьи. Этой

*) Неудачниками.

своей обязанностью содержать семью жена, представлявшая собою своеобразный типъ эмансипированной женщины того времени, обрѣтала право награждать своего мужа-дармоѣда самыми свирѣпыми проклятіями, а нерѣдко и колотушками. Женщины, не носившія подобныхъ обязанностей, были рабынями.

Въ Тунеядовской трясинѣ плодились и множились всякаго рода нравственные уроды... Здѣсь увивались подкупленные богатыми мѣщанами «ловцы человѣковъ», такъ называемые «*хапперы*» — охотники за рекрутами, ловившіе обманомъ и насиліемъ юношей несостоятельныхъ родителей и сиротъ. Жертвы свои они представляли въ воинскія присутствія, гдѣ имъ «забривали лобъ» вмѣсто маменькиныхъ сынковъ, уклонявшихся отъ отбыванія воинской повинности.

Во всѣхъ произведеніяхъ Менделе рисуются соціальные ужасы того времени. Во всѣхъ своихъ твореніяхъ онъ выступаетъ, какъ борецъ за справедливость, какъ цензоръ нравовъ. Къ трясинамъ еврейской жизни онъ пытается подойти то съ ядовитой сатирой, то съ мягкимъ лиризмомъ. Когда на почвѣ Гнилопятовки совершалась какая-нибудь подлость, небо — въ изображеніи Менделе — гнѣвно разражалось громомъ и молніей.

Беньяминъ и Сендерль — эти Тунеядовскіе Донъ Кихотъ и Санхо Панса, отправляющіеся въ походъ, чтобы открыть страну «рыжихъ евреевъ», по дорогѣ попадаютъ въ ловушку, разставленную охотниками за рекрутами. Ихъ отвозятъ на постоялый дворъ. «Ловцами» оказываются какъ разъ набожные евреи. Собираясь покушать, одинъ изъ этихъ почетныхъ

мужей совершаетъ обрядъ омовенія рукъ и при этомъ не забываетъ подвергнутъ рукомойникъ тщательному осмотру: соотвѣтствуетъ ли сей сосудъ всѣмъ предписаніямъ религіознаго церемоніала?

Въ это время жертвы его — наши мечтатели Беньяминъ и Сендерль — уже находятся подъ конвоемъ солдатъ. Волосы коротко острижены, борода и пейсы насильственно сбриты. Пойманные видятъ себя безнадежно опутанными сѣтью, изъ которой нѣтъ спасенія. Менделе кончаетъ ужасающій эпизодъ нравоучительной картиной природы:

«Темная туча надвинулась, яркая молнія освѣтила всю компанію, вслѣдъ за тѣмъ раздался страшный ударъ грома, приведшаго всѣхъ въ трепетъ. Поднялась буря, тучи пыли взметнулись въ дикомъ танцѣ, гоняя передъ собою навозныя соломинки, листья и бумажки и, кружась и извиваясь, на подобіе гигантскихъ змѣй устремилась къ небесамъ... Стадо съ тревожнымъ мычаніемъ понеслось съ поля и мчалось, какъ будто за нимъ гналась стая голодныхъ волковъ. Гроза и буря грохотала. Казалось Господь Богъ пламеннымъ гнѣвомъ своимъ обрушился на землю и на все, что на ней творится. Очи Его метали молніи, а голосъ Его гремѣлъ, какъ громъ: «У! У!» Страшный ударъ грома раздался послѣдній разъ, и крупныя капли дождя, какъ слезы, упали съ неба, смѣшавшись съ горькими слезами нашихъ бѣдныхъ, несчастныхъ героевъ».

Мы знаемъ, что гнуснѣйшія подлости на землѣ совершаются весьма нерѣдко даже въ самую прекрасную погоду. Солнце равнодушно сіяетъ надъ несправедливостью и низостью. Для нравственнаго пафоса Менделе, для его глубокаго чувства соціальной

справедливости однако характерно, что у него небеса громомъ и молніями протестуетъ противъ насильственной отдачи въ солдаты Беньямина и Сендерля... Если на благословенныхъ пажитяхъ Глупска, Тетеревки, Гнилопятовки и Кабцанска стоны и вздохи этихъ несчастныхъ замираютъ глухо, не рождая отклика, то самъ Богъ вмѣшивается и гремитъ въ небесахъ: «У! У!» Однако, помочь не въ состояніи также и Онъ — судьба Беньямина свершилась. Онъ уже въ рукахъ военныхъ властей. Богу поэтому остается излить свой гнѣвъ — по крайней мѣрѣ на стадо, и коровы въ ужасѣ мчатся, какъ будто за ними гонятся голодные волки, буря воетъ и небеса плачутъ — все оттого, что надъ мечтателемъ Беньяминомъ совершено насиліе.

Однако, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ Менделе прибѣгаетъ къ подобной художественной бутафоріи. Его обычнымъ оружіемъ является сарказмъ и иронія. Съ ироніей и сарказмомъ рисуетъ онъ Тунеядовскую молельню съ ея сидящими за печкой завсегдатаями, рисуетъ баню, базаръ, постоялый дворъ въ Глупскѣ съ его ходатаями, ябедниками, подпольными составителями прошеній, сборщиками податей и тому подобными общинными захребетниками. Онъ изображаетъ ихъ нравы и обычаи чрезвычайно обстоятельно, не оставляя въ тѣни ни одной мельчайшей детали. Гнѣвомъ дышащее перо его жестоко преслѣдовало «маленькихъ людей»; съ такой же безпощадностью вскрывалъ онъ мерзость тогдашнихъ пажитей Глупска, утопавшихъ въ грязи и нечистотахъ:

«Когда вы по Тетеревской дорогѣ приближаетесь къ Глупску, вамъ не избѣжать удовольствія перепрыгнуть черезъ лужу. Вы сдѣлали затѣмъ два

шага — извольте прыгать черезъ другую. Еще два шага — черезъ третью, самую крупную...» Такъ рисуетъ онъ Глупскъ съ его окрестностями. Посмотрите, какими названіями онъ награждаетъ изображаемые имъ городки и мѣстечки. Въ нихъ звучитъ презрѣніе къ эпохѣ, противъ которой боролся его свободный духъ. Этими названіями открывается прелюдія ожесточенной борьбы его противъ темныхъ силъ. Безотрадны онѣ, эти названія: Цвуягецъ *) Кабцанскъ **), Тунеядовка. Что хорошаго можетъ произойти въ такихъ городахъ? *Какъ далеки они отъ тѣхъ городковъ и мѣстечекъ, изображенныхъ въ произведеніяхъ позднѣйшаго поколѣнія еврейскихъ писателей съ такимъ идеалистическимъ подъемомъ!*

Однако, нерѣдко случалось, что Менделе, почитавшій своей священной обязанностью проклинать, расчищать, искоренять — непроизвольно благословлялъ. Въ такихъ случаяхъ обнаруживалось, что Тунеядовка — картина не только людей презрѣнныхъ и ничтожныхъ, оказывалось, что тамъ въ молельнѣ за печкой царитъ не только духъ Шлеміиля, оказывалось, что тамъ имѣется еще и нѣчто другое... *И это другое — нѣчто чрезвычайно важное, можетъ быть единственно значительное.*

Обратите вниманіе, какой переполохъ поднимается въ Тунеядовкѣ, когда оказывается, что туда кѣмъ-то случайно занесенъ финикъ.

«Однажды, кто-то принесъ въ мѣстечко финикъ. Посмотрѣли бы вы, какъ сбѣжались обыватели, какъ

---

*) Отъ др.-евр. слова: Цвуа — Ханжа, (собств.: крашеный.) *Примѣч. переводчика.*

**) Кабцакъ — нищій.

дивились чуду! Раскрыли Священное Писаніе и — дѣйствительно — нашли въ немъ кое-что о финикѣ. «— Финикъ... Смотрите, пожалуйста!.. Финикъ растетъ вѣдь въ землѣ Израильской!..» Глядѣли на финикъ, но казалось имъ, что воочію видятъ Страну Отцовъ... Странствовали въ духѣ по берегу Іордана, паломничали къ гробницамъ Авраама и Сары, побывали на могилѣ праматери Рахили, прикладывались къ камню святой стѣны разрушеннаго храма, совершали омовеніе въ горячихъ волнахъ Тиверіадскаго озера, подымались на Масличную гору, ѣли сладкій рожокъ и финики и наполняли карманы святой землей...

— Ахъ!

Вздыхали. У многихъ въ глазахъ блестѣли слезы.

«Въ это мгновеніе — разсказываетъ Беньяминъ — вся Тунеядовка, вся, какъ ни велика она, была перенесена въ Страну обѣтованную. *Съ чувствомъ глубочайшей отрады говорили о Мессіи*».

Менделе хочетъ *проклинать*, но самъ того не сознавая, *благословляетъ*, благословляетъ совершенно непроизвольно. Этотъ экстазъ, въ состояніе котораго Тунеядовскіе евреи приходятъ отъ случайно занесеннаго финика, эта способность, казалось бы самыхъ жалкихъ обывателей къ внезапному подъему и преображенію, это «касаніе мірамъ инымъ», исполнены красоты духа и свидѣтельствуютъ о томъ, что *подъ пластомъ грязи и плъсени похоронены, но живы великія сокровища*... Здѣсь — родникъ, изъ котораго позднѣйшія поколѣнія будутъ утолять духовную жажду, здѣсь раскрывается предъ нами вторая,

незапятнанная душа Тунеядовскаго обывателя. «*Съ чувствомъ глубокой отрады говорили о Мессіи*».

Въ то время, въ эпоху «бури и натиска», когда приходилось бороться за элементарную школу, бороться за то, чтобы дѣтей не били въ «хедерахъ», чтобы въ домахъ соблюдались чистота и опрятность, чтобы не позволять общиннымъ захребетникамъ вести себя за носъ, — признакомъ бездѣльника и неудачника считался также и этотъ энтузіазмъ, и эта сентиментальность, вызванные зрѣлищемъ финика. Однако такой этико-лирическій философъ, какъ французъ Гюйо, который утверждаетъ, что человѣкъ съ поэтической душой при видѣ чашки съ молокомъ или тарелочки съ зеленымъ салатомъ способенъ силой своей фантазіи представлять себѣ прекраснѣйшіе пейзажи и сельскія идилліи — Гюйо въ экспансивности Тунеядовскихъ евреевъ усмотрѣлъ бы наличность большой фантазіи и мечтательность, свидѣтельствующую о томъ, что въ ихъ душѣ кромѣ міра обыденнаго живетъ еще другой, прекрасный міръ.

И въ самомъ дѣлѣ, безъ способности воодушевляться такимъ, казалось бы, малозначительнымъ событіемъ, какъ зрѣлище финика, воодушевляться такъ, чтобы «*съ глубокой отрадой говорить о Землѣ Израильской*», безъ этой способности позднѣйшее поколѣніе не сотворило бы прекрасныхъ легендъ Хассидизма; безъ нея еврейская литература не создала бы солнечнаго, сердечнаго «Тевьи»; безъ нея Перецъ не написалъ бы своихъ народныхъ новеллъ; безъ нея — наконецъ, — національно-еврейское движеніе было бы немыслимо.

Но въ эпоху литературной дѣятельности Менделе этой способности нельзя было удѣлять много вниманія. И когда изучаешь великаго патріарха, когда разбираешь его богатѣйшее наслѣдство, не слѣдуетъ упускать изъ виду эпоху, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ, «эпоху просвѣщенія»... Мы должны всецѣло перенестись въ то время, сжиться съ нимъ, уловить его духъ, должны съ величайшей осторожностью переступать по извилинамъ его, ибо мы привыкли къ инымъ, болѣе удобнымъ путямъ. Моряку, отправляющемуся въ дальнее плаваніе, необходимъ компасъ, чтобы не сбиться съ пути. Подобно моряку мы, ступивъ на почву Тунеядовки, должны осторожно и серьёзно-внимательно подвигаться впередъ. Менделе безо всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ тѣмъ талантамъ, которыхъ нельзя вырывать изъ почвы его эпохи. Слишкомъ крѣпко онъ сросся съ ней, слишкомъ ожесточенно онъ противъ нея боролся... Въ памятникахъ его художественнаго творчества отразилась она всецѣло.

Это, однако, не значитъ, что заслуги Менделе — лишь историческія, что наслѣдство его — достояніе прошлаго. Нѣтъ, творчество его — цѣнность непреходящая, оно — немолчно-бьющій родникъ, изъ котораго мы пьемъ и по сіе время. Въ Менделе жилъ духъ неутомимаго борца. Но натура истиннаго художника въ немъ неизмѣнно брала верхъ. Съ великой отрадой онъ останавливался на каждой детали, одухотворялъ ее, расписывалъ ее богатѣйшими красками своего проникновеннаго слова.

Если Менделе — говорю я — въ силу взятой на себя задачи, вынужденъ бывалъ душить въ себѣ художника и поощрять публициста, то художникъ —

наперекоръ всему — все-таки пробивалъ себѣ путь сквозь терніи публицистики. И такимъ образомъ создана имъ богатая галлерея типовъ, которые никогда не поблекнутъ, ибо рукой настоящаго мастера она создана.

Чтобы наслаждаться художественнымъ мастерствомъ Менделе не требуется никакого усилія. Достаточно лишь присѣсть и прислушаться. Мы очень скоро чувствуемъ себя перенесенными въ міръ непреходящихъ цѣнностей и стройнаго порядка. Твореніями поэта въ равной мѣрѣ наслаждаются прошлыя, современныя и будущія поколѣнія, ибо непреходящи творенія подлиннаго искусства.

Неистощимымъ сокровищемъ, изъ котораго мы никогда не перестанемъ черпать, является также языкъ Менделе. Въ закостенѣлый, мертвый организмъ онъ влилъ кровь и жизненные соки; сокровища нашего языка до него лежали, какъ мертвый, разрозненный, по отдѣльнымъ клѣточкамъ разсыпанный шрифтъ. Менделе пришелъ, разыскалъ отдѣльные элементы его, собралъ воедино, коснулся ихъ своимъ духомъ, и зазвучала мелодическая, сладкая, интимная, задушевная рѣчь. Евреямъ мѣстечка Копуля навѣрное и не снилось, что слова, которыми они перебрасываются на базарѣ, будутъ подхвачены Менделемъ и что мы всѣ такимъ образомъ узнаемъ, какимъ сочнымъ языкомъ въ сущности говорили Копульскіе евреи. Менделе съ собеннымъ удовольствіемъ употребляетъ слово «отрадно»: «Говорили съ глубокой отрадой о землѣ Израильской». «Солнце отрадно сіяло». «Войдя въ лѣсъ, Беньяминъ прислонился къ дереву и съ отрадой предавался размышленіямъ». По этому сочному выраженію, которое у него неизмѣнно

повторяется, сразу угадываешь, духъ его языка. Менделе пишетъ съ отрадой, и читать его — отрадно. Богатство оборотовъ и оттѣнковъ, его способность придавать языку сочность, выразительность и задушевность необыкновенны: здѣсь и тонкій, сказочный, откуда-то изъ далекаго Востока занесенный ароматъ, и «литвацкое» остроуміе, и украинская миловидность, и мягкій лиризмъ, и воздухъ Волыни и Подоліи. Какимъ несравненнымъ мастеромъ оказывается онъ въ умѣніи преображать чужія слова! Какой прелестью вѣетъ отъ его выраженій сердечныхъ отношеній, какой силой красокъ и свѣта проникнуты его полурусскіе — полуеврейскіе обороты! Но Менделе ассимилировалъ не только чужія слова, но также и природу. Не даромъ о немъ сказалъ Бяликъ: «Менделе природу объевреилъ».

Повозка Менделе съ его книгами всегда стоитъ въ лѣсу, и мягкимъ лѣтнимъ вечеромъ съ хоромъ пернатыхъ сливаются звуки псалма: «Блаженны пребывающіе въ домѣ Твоемъ»...

Въ этой области лиризма Менделе создалъ произведенія оригинальныя, нетлѣнныя. Шоломъ-Алейхемъ еще дальше разовьетъ этотъ родъ искусства. Ибо онъ лирикъ и юмористъ по преимуществу, ибо у него нѣтъ ожесточенности и желчи борца. Но онъ все-таки потомокъ Менделе, его внукъ, и безъ указки «дѣдушки» можетъ быть и не нашелъ бы своей дороги.

Желчью, гнѣвомъ, саркастической насмѣшкой дышатъ всѣ творенія Менделе. Но желчь и гнѣвъ, и сарказмъ — не вѣчные, а лишь историческіе аттрибуты его творчества. Эти аттрибуты требуютъ отъ изслѣдователя способности къ концентраціи, къ тому

проникновенію въ чужую эпоху, о которомъ я говорилъ выше. Безъ знанія эпохи мы не въ состояніи правильно оцѣнить пламенный пафосъ Менделе, его бурный протестъ во имя просвѣщенія, гуманности и даже — не смѣйтесь — во имя гигіены, во имя самыхъ примитивныхъ требованій культуры... Чтобы понять его, нужно взглянуть на старыхъ Тунеядовцевъ не нашими усталыми, романтизмомъ затуманенными глазами, но широко-раскрытыми, горящими глазами юноши отошедшей эпохи, юноши, только что окончившаго раввинское училище, воспитавшагося на идеяхъ Шиллера и Бёрне и попавшаго въ гнетущую атмосферу мѣстечка, въ атмосферу заплесневѣлыхъ обычаевъ, порабощенныхъ женщинъ, кулаковъ-самодуровъ, ябедниковъ, ханжей, «хапперовъ», юноши, дающаго при видѣ этого ужаса клятву самому себѣ, во что бы то ни стало внести свѣтъ въ это царство тьмы.

Мы не должны подходить къ той эпохѣ съ масштабомъ современности, съ нашими нынѣшними понятіями. Мы должны забыть, что мы — усталыя, разочарованныя дѣти двадцатаго столѣтія, для которыхъ слова: «культура, цивилизація» звучатъ, какъ иронія, чуть ли не вызовъ по отношенію къ намъ, награжденнымъ, горькимъ опытомъ одураченныхъ. Мы должны забыть всѣ буколическія картины, вышедшія изъ подъ пера современныхъ намъ писателей — и изображающія то — ненавистное для просвѣтителей — время, мы должны забыть полные экстаза, глубины, меланхолін монологи Ребъ-Аббы*), забыть

*) Романтическая фигура въ произвед. писателя Онѳхи.

изслѣдованія Цейтлина о хассидизмѣ, разсказы Бердичевскаго, книги Мартина Бубера о Бештѣ и Нахманѣ изъ Брацлава — это нашъ, усталостью и разочарованностью рожденный, романтизмъ заставляетъ насъ воспѣвать отзвучавшую жизнь еврейскаго городка. Мы въ восторгѣ отъ пламеннаго хассида, бросающаго семью, отряхающаго прахъ будней и отправляющагося въ далекій путь къ «цаддику». По прошествіи года послѣ того, какъ онъ всѣми былъ оплаканъ, какъ безвѣстно погибшій, этотъ хассидъ, живъ и здоровъ, возвращается домой пѣшкомъ, подпѣвая себѣ подъ носъ новую хассидскую мелодію.

Менделе разрушилъ эту романтику. Его хассидъ — бездѣльникъ, никчемный человѣкъ, тунеядецъ. Вслушайтесь въ причитанія жены хассида, желающейся раввину на своего мужа и требующей развода. Въ рѣчи ея очень мало романтическаго. Она рисуетъ своего мужа съ безпощадной откровенностью. Цѣлые дни проводитъ онъ въ молельнѣ, болтаетъ тамъ, сидя за печкой, пьетъ водку послѣ молитвы, о семьѣ нисколько не заботится, на дѣтей даже и не взглянетъ... Когда онъ приходитъ домой, все уже должно быть готово, а наступитъ пятница — онъ отнимаетъ у жены послѣдній грошъ, чтобы отдать его цаддику. Попробуетъ она слово сказать, онъ ссаживаетъ ее угрозами, а въ лучшемъ случаѣ отстраняетъ ее словами: «Ну что понимаетъ женщина въ подобныхъ вещахъ?»

Реализмъ Менделе утрированъ, но онъ былъ психологической необходимостью такъ же, какъ и нашъ современный романтизмъ.

Менделе прежде всего выступалъ, какъ реформаторъ. Онъ требовалъ справедливости отъ богачей

и сборщиковъ податей, требовалъ опрятности жилищъ, вѣжливыхъ формъ обращенія, уваженія къ женщинѣ, по отношенію къ которой тогда царили восточные нравы, онъ требовалъ правъ человѣка, онъ всю свою жизнь боролся за идеалы гуманности. Онъ стоялъ въ центрѣ той эпохи и геройски сражался со многими другими борцами.

И тогда именно случалось, что публицистъ и сатирикъ въ немъ бралъ перевѣсъ, художникъ молчалъ или удовлетворялся мелочами.

«Чудеснымъ утромъ бродилъ я по волнующейся нивѣ и не успѣлъ я оглянуться, какъ уже былъ въ густомъ лѣсу. Я шелъ дальше и глубже, сбросилъ котомку съ плечъ, снялъ кафтанъ, разложилъ его подъ тѣнистое дерево. Что тутъ долго расписывать? Дерево есть дерево, трава есть трава, птичка есть птичка.» («Фишка Кривой».)

Это мѣсто чрезвычайно характерно. Мы знаемъ, какъ способенъ былъ Менделе воодушевляться идиллической красотою природы, знаемъ, какъ охотно рисовалъ онъ и какъ любовно углублялся при этомъ въ мельчайшія детали. Онъ сознается въ другомъ мѣстѣ, какъ тоскуетъ онъ по природѣ, какъ тянется душа его ко всякой травкѣ и цвѣтку. Этой тоскѣ его мы обязаны созданіемъ мастерскихъ пейзажей.

Однако слишкомъ часто одолѣваютъ его пароксизмы публицистическаго жара; тогда онъ становится односложенъ, скупъ на слова; посреди картины внезапно бросаетъ краски и старается убѣдить насъ, что собственно и рисовать то нечего, что дерево есть дерево, а трава есть трава. Публицистъ, страстный

поборникъ просвѣщенія, соціальной справедливости въ немъ глушилъ и побѣждалъ художника.

Любовь черезъ ненависть вотъ особенность и важнѣйшій моментъ его творчества. Поэтъ неизмѣнно употребляетъ слово: «еврейчики» вмѣсто: «еврей». Оно у него постоянно повторяется и можетъ показаться непріязненнымъ, даже презрительнымъ. Однако такое толкованіе было бы невѣрно.

Менделе бывалъ постоянно огорченъ, но онъ любилъ свой народъ съ глубокимъ пыломъ, и сердце его такъ часто смягчалось... Тогда онъ скорбѣлъ, плакалъ и стоналъ и слово «еврейчики» пріобрѣтало совсѣмъ другое значеніе.

Въ его разсказѣ «Симъ и Яфетъ въ вагонѣ» раскрывается скорбящая душа поэта. Онъ рисуетъ толпу евреевъ, женщинъ и дѣтей въ моментъ посадки въ вагонъ, описываетъ суету и давку, горы подушекъ и «бебеховъ», описываетъ строго и гнѣвно, и вдругъ гнѣвъ его куда-то улетучивается. Менделе пишетъ:

«Я сознаюсь передъ Богомъ и людьми, что первое мое чувство къ моимъ сосѣдямъ было враждебное. Мнѣ казалось, что они лишили меня чего-то; они дѣйствительно лишили меня покоя. Я проклиналъ себя и судьбу свою, что связала меня съ этими странными, особыми, навязчивыми существами. Но, всмотрѣвшись въ нихъ поближе, я раскаялся. Сердце мое исполнилось расположенія къ нимъ. Я думалъ о нихъ иначе. Ихъ жалкая одежда, ихъ фигуры, ихъ лица, мрачныя и землистыя, свидѣтельствовали явно, что это — люди несчастные, достойные сожалѣнія, что они въ жизни много настрадались, и сердце разрывалось во мнѣ

отъ состраданія. Тяжкій, протяжный стонъ матерей вонзался мнѣ въ сердце, стараніе отцовъ и старшихъ дѣтей не стѣснять меня, трогало меня; величайшее состраданіе я однако чувствовалъ къ младенцу, хилому, съ безкровнымъ личикомъ, уснувшему на рукахъ матери послѣ того, какъ долгимъ крикомъ накричался до хрипоты и потери дыханія. Видѣннаго мнѣ было достаточно, чтобы представить себѣ страданія несчастной семьи. Воображеніе рисовало мнѣ еще тысячи подобныхъ семействъ, терпѣвшихъ голодъ и тяжкія лишенія, склонившихъ голову подъ ярмомъ котомокъ и нужды. Сердце плакало во мнѣ надъ этими существами.»

Да сердце Менделе плакало горько. Оно раскрылось; перо его стало до трогательности мягкимъ и нѣжнымъ, и слово «еврейчики» потеряло свой непріязненный привкусъ; оно пріобрѣло своеобразно-интимный характеръ. Во многихъ произведеніяхъ Менделе любовь проявляется чаще, нежели горечь и гнѣвъ, рожденный въ свою очередь той же любовью къ своему несчастному народу.

Это хорошо знали его Тунеядовскіе и Глупскіе потомки, когда они нѣсколько десятилѣтій спустя празднично встрѣчали его уже не на непроѣзжихъ улицахъ Гнилопятовки, а въ крупныхъ центрахъ. И когда «дѣдушка» видѣлъ воодушевленіе внуковъ, онъ вспоминалъ свои старыя битвы и, вѣроятно, думалъ, улыбаясь:

«Поистинѣ, тѣ, Тунеядовцы, очевидно, были не такъ уже плохи, какъ я полагалъ, если сумѣли воспитать такое славное, отзывчивое поколѣніе.»

Я видѣлъ Менделе непосредственно послѣ его тріумфальной поѣздки по Литвѣ и Польшѣ. Онъ

только что вернулся къ себѣ въ Одессу. Стояла сухая солнечная погода. Насъ было цѣлое общество: Бяликъ, Равницкій, Перецъ — Гиршбейнъ и я. Намъ хотѣлось узнать, какъ «дѣдушкѣ» понравилось первое крупное путешествіе. Мы сидѣли около него за круглымъ столомъ въ его просторномъ рабочемъ кабинетѣ. Онъ съ воодушевленіемъ разсказывалъ о видѣнномъ и пережитомъ. Онъ говорилъ горячо и красиво. Сердце его не только раскрылось, оно было переполнено радостью и удовлетвореніемъ. Какъ-бы уставъ отъ разсказа, онъ склонилъ свою сѣдую, красивую бѣлоснѣжную голову, сложилъ на груди руки и погрузился въ думу, улыбаясь мягко, умиротворённо... И былъ похожъ на Монбланъ въ свѣтѣ прекраснаго заката.

Мнѣ кажется, что съ этой же улыбкой нашъ патріархъ отошелъ въ другой, далекій міръ.

2.

І. Л. ПЕРЕЦЪ.

I. Л. ПЕРЕЦЪ.

(Воспоминанія.)

Съ Перецомъ я впервые встрѣтился въ то время, когда надъ еврейской литературой повѣяло весеннимъ воздухомъ, въ то время, которое мы — тогда — въ юношескомъ увлеченіи называли Ренессансомъ... То было, однако, не Возрожденіемъ, а — повторяю — лишь дуновеніемъ весенняго вѣтерка, освѣжившаго атмосферу нашей литературы. Молодыя сердца исполнены были лирическаго подъема и вдохновеннаго порыва, молодежь обнаруживала подлинный интересъ къ еврейской литературѣ, многочисленная публика устремлялась на литературные вечера. Газета не поглотила еще всѣхъ литераторовъ. У молодыхъ писателей былъ еще досугъ. Они разгуливали по Саксонскому саду, прочитывали другъ другу свои новыя драмы и стихотворенія въ прозѣ и павѣщали Переца — своего маэстро. Къ Перецу ходили всѣ. Къ нему ходилъ Ашъ — тогда еще не знаменитый писатель, а — застѣнчивый парень. Дрожащей рукою преподнесъ онъ Перецу первыя страницы своей прекрасной поэмы «Городокъ». Къ Перецу ходилъ Номбергъ, только что ставшій «еретикомъ», къ нему ходилъ столяръ Вейсенбергъ и Рейзинъ.

Вся еврейская литература послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ прошла скромную квартиру Переца, что на Цеглянской улицѣ. Ходить къ Перецу сдѣлалось какъ бы традиціей или потребностію, ибо здѣсь былъ единственный литературный салонъ, гдѣ всяческіе планы и фантастическіе проекты находили сочувственный откликъ со стороны вѣчно-юнаго Переца.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что, явившись къ нему однажды весеннимъ вечеромъ, я засталъ на квартирѣ его множество молодыхъ людей. Хозяинъ въ бархатной курткѣ сидѣлъ на мягкомъ диванѣ въ облакѣ нездороваго табачнаго дыма и объяснялъ молодому поэту, почему его образы неудачны. Перецъ указывалъ ему, что убогость переживаній онъ старается прикрыть красивыми словами. Молодой человѣкъ въ кафтанѣ и картузѣ стоялъ блѣдный, какъ полотно. Кончивъ, Перецъ поднялъ на него свои добрые, прекрасные глаза и сказалъ ободрительно:

— У васъ — талантъ, но вы... врете! Вы понимаете, что я хочу сказать: вы изображаете то, чего не пережили.

Молодой человѣкъ не обидѣлся за слово: «врете». Онъ скорѣе усмотрѣлъ въ немъ нѣкоторую похвалу своей литературной ловкости; а такъ какъ онъ сверхъ того получилъ завѣреніе, что онъ — талантъ, то онъ пошелъ домой вполнѣ довольный.

Перецъ затѣмъ подходитъ къ группѣ молодыхъ художниковъ и поэтовъ, хлебавшихъ черный кофе за столомъ въ противоположномъ углу комнаты. Здѣсь дебатировались и рѣшались разнообразнѣйшіе планы и проекты, обсуждались литературныя пред-

пріятія, намѣчались изданія періодическихъ сборниковъ и растекались мыслью во всевозможныхъ перспективахъ блестящаго будущаго. Мудрый скептикъ — Перецъ былъ однако самымъ горячимъ сторонникомъ этихъ полуфантастическихъ проектовъ. Всѣ планы объ основаніи новыхъ журналовъ, изданіи книгъ, созданіи дѣйствительно-художественнаго еврейскаго театра разработывались до мельчайшихъ подробностей, составлялись списки сотрудниковъ, распредѣлялись районы дѣятельности. Тѣмъ не менѣе гости чувствовали, что всѣ эти проекты канутъ въ рѣку забвенія немедленно послѣ того, какъ разговоръ коснется другой темы. Первымъ забывалъ про нихъ Перецъ. Эти полуфантазіи были лишь выраженіемъ его тоски, проявленіемъ его духовнаго голода передъ лицомъ убогой еврейской дѣйствительности.

Перецъ обладалъ большимъ внутреннимъ богатствомъ. Онъ ни въ комъ не нуждался. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ счастливцамъ, которые, сидя въ своей коморкѣ, въ состояніи силой своего художественнаго таланта создавать чудесные образы. Съ этой точки зрѣнія онъ, конечно, не нуждался ни въ какомъ обществѣ. Но въ немъ жило горячее стремленіе къ красивой внѣшней еврейской жизни. Еврей — интеллигентъ съ глубокими корнями въ еврейскомъ прошломъ, онъ долженъ былъ съ горечью наблюдать культурную убогость еврейской жизни. Одаренный на рѣдкость изящнымъ вкусомъ, онъ долженъ былъ удовлетворяться примитивной игрой еврейскаго театра. Способный вносить огнемъ своего остроумія оживленіе въ самый блестящій литературный салонъ, умѣвшій такъ искусно, интересно и обоя-

тельно вести разговоръ — онъ окруженъ былъ полузрѣлыми литераторами... Обыкновенно онъ одинъ и говорилъ, ибо около него врядъ ли кто умѣлъ отвѣчать ему. Онъ былъ дающимъ, но не получающимъ. Въ области матеріальныхъ богатствъ такая роль очень пріятна — кому не доставляетъ удовольствія роль благодѣтеля? Но въ мірѣ духовномъ дѣло обстоитъ иначе. Здѣсь долженъ происходить обмѣнъ цѣнностей, въ противномъ случаѣ человѣкъ осужденъ на одиночество... И Перецъ дѣйствительно былъ одинокъ, хотя постоянно толкался межъ людей. Онъ былъ одинокъ потому, что среди своихъ знакомыхъ не имѣлъ человѣка, равнаго себѣ по духу, потому-что онъ цѣлой головой былъ выше своей среды. У него не было ни подходящаго общества, ни соотвѣтствующей его натурѣ среды. Перецъ окружалъ себя незрѣлой, бѣдной духовно молодежью, возился съ ней, терялъ ради нея цѣлые годы.

Придя домой со службы въ еврейской общинѣ, онъ живо одѣвалъ свою удобную бархатную куртку и спѣшилъ въ кабинетъ, гдѣ его уже дожидались молодые поэты. Среди нихъ — и юноша изъ Польши, изгнанный изъ дому за то, что увлекся «писательствомъ», и голодающій еврейскій скульпторъ, отрекомендованный Перецу, какъ многообѣщающій талантъ. Перецъ предпочиталъ это общество потому, что здѣсь убогость мысли по крайней мѣрѣ вознаграждалась свѣжестью чувствъ и безкорыстнымъ энтузіазмомъ. Здѣсь, въ кругу этой артистической «братіи», онъ сыпалъ блестящими афоризмами и парадоксами. Но прежде всего онъ искалъ здѣсь новыхъ талантовъ. Погоня за новыми талан-

тами была его настоящей слабостью. Не на одну молодую голову онъ опустилъ свою благословляющую руку, пророча юнцу амплуа восходящей литературной звѣзды, амплуа благороднаго принца. Но ни одинъ изъ этихъ принцевъ не достигъ королевскаго сана, и всей плеяды восходящихъ свѣтилъ, имѣвшихъ возгорѣться огнемъ путеводной звѣзды, хватило лишь для того, чтобы мерцать слабымъ свѣтомъ въ газетной редакціи.

Перецъ часто ошибался въ оцѣнкѣ литературныхъ явленій, ему неоднократно приходилось отказываться отъ данныхъ имъ свидѣтельствъ, однако онъ не переставалъ искать новыхъ талантовъ. Ошибался онъ не потому, что ему не хватало критическаго чутья; заблужденія его вытекали изъ страстнаго желанія увидѣть узкій кругъ еврейской литературы обогащеннымъ новыми силами. Жажда новыхъ талантовъ была въ немъ такъ велика, что неизбѣжно приводила его къ разочарованіямъ. Объ этой чертѣ характера его можно было бы еще многое сказать. Я опредѣленно помню, что не только позже, когда я Переца зналъ уже близко, но также и въ первый проведенный съ нимъ вечеръ я получилъ впечатлѣніе чрезвычайно глубокаго контраста между блестящей индивидуальностью нашего поэта и его духовно-нищенской средою.

Перецъ обладалъ очень красивой внѣшностью. Лицо его было одухотворенное, но въ немъ не было отпечатка гетто, не было печати вѣковыхъ страданій или тоскующей мысли. Я не знаю слова, болѣе подходящаго для характеристики физіономіи нашего поэта, нежели слово: «баринъ». Въ Перецѣ ни коимъ

образомъ нельзя было узнать еврея гетто. Перецу по плечу была бы роль помѣщика, принимающаго гостей въ великолѣпной — посреди чуднаго парка — усадьбѣ, блестящимъ разговоромъ объ искусствѣ и философіи занимающаго общество, переходящаго отъ одной группы дамъ къ другой, импровизируя остроумные комплименты. А какова была дѣйствительность? Въ дѣйствительности Перецъ 38 лѣтъ безвыѣздно прожилъ на квартиркѣ по Цеглянной улицѣ, тратя свое лучшее время, отъ 10 часовъ утра до 3 пополудни, на службу въ общинѣ. Онъ принадлежалъ къ тому типу писателей, которые въ разговорѣ не менѣе интересны, нежели въ своихъ произведеніяхъ. Если бы у Переца былъ вѣрный поклонникъ, который повсюду слѣдовалъ за своимъ маэстро, записывая всѣ его импровизаціи, то изъ этихъ записокъ можно было бы составить цѣлые томы. Онъ буквально расточалъ богатство мыслей, игралъ сверкающими, какъ молніи, парадоксами, цвѣтной художественной мозаикой, и было мучительно-тяжело видѣть, какъ страдалъ онъ отъ отсутствія настоящей аудиторіи, дѣйствительныхъ друзей, которые могли бы съ нимъ мѣряться силою духа. Будь его партнеры такіе же одаренные люди, какъ онъ, мы сдѣлались бы свидѣтелями рѣдкаго турнира.

Перецу слѣдовало бы жить и дѣйствовать въ крупномъ европейскомъ центрѣ, въ бродильной атмосферѣ писателей, ученыхъ и художниковъ. Жизнь въ такой атмосферѣ поощряла бы его творческую силу, ибо не только таланту, но также и генію нужны условія, въ которыхъ духовныя силы сталкиваются и оплодотворяются, условія, въ которыхъ рождаются новые мысли, планы и идеи.

Если бъ Гете и Шиллеръ не жили совмѣстно въ Веймарѣ, если бъ не дружба между ними, европейская литература оказалась бы бѣднѣе многими произведеніями. Толчекъ къ написанію «Вильгельма Телля» Шиллеръ получилъ отъ Гете, разсказывавшаго своему другу о Швейцаріи.

Я считаю культурной трагедіей то обстоятельство, что Перецъ — художникъ и мыслитель, вынужденъ былъ прожить свою жизнь внѣ такой атмосферы. Большая часть еврейскихъ писателей и по сіе время ведетъ полуосѣдлый образъ жизни. Это люди-странники, и чемоданъ у нихъ постоянно распакованъ лишь наполовину. При случайныхъ проѣздахъ черезъ Варшаву они устремляются къ Перецу. Излишне подчеркивать, что значатъ подобныя бѣглыя посѣщенія минутныхъ гостей.

На долю Переца выпало счастье имѣть друга, преданнаго душой и тѣломъ. Трогательная дружба между Перецомъ и Динезономъ заслуживаетъ того, чтобы ей посвятили особую главу. Однако въ духовномъ отношеніи оба друга были слишкомъ различные люди. Динезонъ любилъ Переца, какъ брата, заботился о немъ съ рѣдкой нѣжностью, велъ всю дѣловую переписку поэта, набивалъ для него папиросы и несомнѣнно велъ записки о жизни своего маэстро. Но милому, сердечному Динезону не хватало крыльевъ для того, чтобы умѣть слѣдовать за Перецомъ. Не одно прекрасное воспоминаніе связываетъ обоихъ друзей, не всегда однако знавшихъ, какъ разговаривать другъ съ другомъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что и Динезону, своему интимному другу, Перецъ не могъ довѣряться въ вопросахъ, затрагивающихъ ра-

дости и печали художника, радости, когда поэту удается воплотить идею въ счастливую форму, и печали, тѣ муки творчества, когда образъ, волнующій душу поэта, никакъ не находитъ подходящаго выраженія и остается невоплощеннымъ. Какъ лицо, жившее въ постоянной близости къ поэту, Динезонъ сумѣетъ разсказать еще много интереснаго о немъ, но онъ не можетъ слѣдовать за нимъ на высоты, на которыя Перецъ подымался въ своемъ идейномъ полетѣ. На вершинахъ Перецъ стоялъ одиноко.

Такъ же дѣло обстояло и съ молодежью, его окружавшей. Она любила и чтила его, она восхищалась имъ, но не всегда понимала его. Перецъ любилъ молодежь не только за надежды, которыя она подавала ему, но также и за излучаемую ею теплоту сердца, а также и за то, что она — въ концѣ концовъ — составляла его единственное общество... Нѣсколько лѣтъ спустя, когда весеннія настроенія смѣнились трезвенными буднями, когда всѣ литераторы внезапно прониклись мудрой мыслью, что лучше строчить журнальныя статьи, нежели писать стихи при лунномъ сіяніи, улетучилось и это общество Переца, — его единственное убѣжище.

Зимою 1913 года, когда мнѣ представилось пріятная возможность почти каждый вечеръ проводить съ Перецомъ, въ теченіе нашихъ долгихъ задушевныхъ разговоровъ нашъ поэтъ съ выраженіемъ тоски и досады жаловался, что молодежь совсѣмъ перестала ходить къ нему. Мысль о томъ, что молодежь перестала ходить къ нему не потому, что нашла другой кумиръ, эта мысль въ тѣ моменты ему, очевидно, не приходила въ голову. А въ дѣйствитель-

ности молодежь вообще потеряла всякую потребность разговаривать о прекрасныхъ литературныхъ планахъ, книгахъ, искусствѣ и поэзіи. Молодежь вообще перестала существовать, ибо всѣ внезапно постарѣли... Литературная братія при встрѣчахъ уже не спрашивала, какъ прежде, другъ друга: «что дѣлаешь? Что обдумываешь?» но: «Зарабатываешь ли на существованіе?» Идеаломъ стало мѣстечко въ редакціи.

На новой квартирѣ Переца уже не кишѣло болѣе разсѣянной молодежью, пріемная не утопала болѣе въ облакахъ табачнаго дыма. Однако мизантропія была совершенно чужда душѣ поэта. Когда къ нему перестали ходить, онъ самъ сталъ навѣщать тѣ или иные круги, съ которыми можно было поддерживать духовныя отношенія. Будучи уже 63 лѣтнимъ старикомъ, онъ взялся вдохнуть новую жизнь въ распущенный варшавскій литературно-художественный союзъ «Газомиръ». Онъ согласился на избраніе себя въ предсѣдатели и рядомъ блестящихъ докладовъ на различныя темы привлекъ въ союзъ публику, до того стоявшую въ сторонѣ, развилъ зимою 1913 года энергичную дѣятельность, какъ никогда раньше, образуя единственный отрадный пунктъ въ жизни тогдашней еврейской Варшавы. Перецъ однако не удовлетворился этимъ. Онъ справедливо полагалъ, что, кромѣ публичныхъ выступленій на массовыхъ собраніяхъ, необходимо еще хотя разъ въ недѣлю собираться въ «Газомиръ» на чашку чаю для дружескихъ собесѣдованій. По его иниціативѣ варшавскіе журналисты и художники каждый понедѣльникъ собирались въ «Газомиръ», чтобы на нѣсколько часовъ сбросить съ себя ярмо буденъ. Каждый участвовалъ въ высту-

пленіяхъ, какъ и чѣмъ могъ. Вечера имѣли вполнѣ непринужденный характеръ.

Несмотря на свою новизну и необычайность вечера — благодаря стараніямъ Переца — были весьма удачны. Въ нихъ было много интереснаго. Перецъ вносилъ въ нихъ жизнь, онъ заботился о томъ, чтобы на нихъ не было скучно и черезъ нѣкоторое время послѣ того, какъ публика къ нимъ привыкла, можно было видѣть, какъ Перецъ съ заложенными за спину руками прохаживался по залу, и какъ его большіе умные глаза при этомъ смѣялись отъ радости.

Я не могу говорить о «Газомирѣ» безъ того, чтобы не упомянуть объ отношеніи къ Перецу широкихъ народныхъ массъ. Я не знаю отношеній болѣе трогательныхъ. Перецъ не былъ писателемъ для народа, онъ былъ первокласснымъ національнымъ поэтомъ-мыслителемъ, въ творчествѣ котораго явственно преобладаетъ элементъ идейный. Перецъ обладалъ изощреннымъ интеллектомъ. Народъ плохо понималъ Переца. Чтобы постичь его идеи, чтобы почувствовать его стиль, необходимъ художественный вкусъ. Тѣмъ не менѣе народъ любилъ его горячей любовью, т о й и с т и н н о й л ю б о в ь ю, к о т о р а я н и ч е г о н е т р е б у е т ъ. Переца любили, не понимая его, любили только потому, что онъ жилъ, этотъ глубокій, мудрый человѣкъ съ прекрасной головой и благородными чертами. Много ли понимаетъ простой еврей въ алмазахъ? Тѣмъ не менѣе онъ гордится ими. Такимъ еврейскимъ алмазомъ и былъ Перецъ.

Когда объявлялось о предстоящемъ докладѣ Переца, уже заранѣе знали, что залъ будетъ биткомъ

набитъ, что многимъ за недостаткомъ мѣста придется уйти обратно домой. Перецъ былъ интереснымъ, темпераментнымъ чрезвычайно своеобразнымъ ораторомъ. Онъ говорилъ, какъ писалъ. Чтобы слѣдить за ходомъ его мыслей, необходимо было извѣстное усиліе. Однако публика дѣлала это усиліе. Мощнымъ притяженіемъ, исходившимъ отъ личности оратора, она бывала, какъ бы скована. Добровольныя оковы!

Перецъ очаровывалъ толпу не демагогическими уловками, не дешевыми обѣщаніями, не игрой на низменныхъ инстинктахъ. Наоборотъ, онъ довольно часто выступалъ въ качествѣ моралиста и — слѣдуетъ признать — въ очень рѣзкой формѣ. Но его бичеванія воспринимались съ любовью. Отъ Переца легко было и горькое слово порицанія снести. Поистинѣ, отношеніе Переца къ широкимъ народнымъ массамъ заслуживаетъ того, чтобы ему посвященъ былъ особый психологическій этюдъ.

Огромная популярность Шоломъ-Алейхема понятна. Шоломъ-Алейхемъ исцѣлялъ своимъ юморомъ раны и осушалъ слезы милліонамъ евреевъ въ изгнаніи... Нѣтъ такой еврейской семьи, которая не была обязана Шоломъ-Алейхему часами искренняго въ народномъ вкусѣ наслажденія. «Молочникъ Тевья» и «Менахемъ-Мендель» — всѣмъ знакомые евреи, въ то время, какъ герои Переца — символы. Я однако полагаю, что народныя массы обладаютъ даромъ восхищаться великимъ. Перецъ пользовался особенной любовью въ Варшавѣ. Стоило ему лишь показаться на улицѣ, какъ встрѣчалъ нѣмую, безъ словъ, демонстрацію любви. Перецъ безо всякаго

сомнѣнія былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Варшавѣ, онъ былъ ея достопримѣчательностью.

Лѣтними вечерами онъ иногда любилъ прогуливаться по аллеямъ Саксонскаго сада и тогда казалось, что нѣкій славный полководецъ идетъ на прогулку во главѣ своей арміи. Но вмѣсто дисциплины солдатской здѣсь царила любовь и уваженіе. Подымались со скамей, глядѣли ему вслѣдъ, хотя еще вчера видѣли и слушали его въ залѣ Филармоніи; хотя онъ всю свою жизнь провелъ въ Варшавѣ. Любимый герой всегда новъ, неизмѣнно вноситъ праздничное настроеніе въ толпу... Гдѣ показывался Перецъ, тамъ всегда былъ праздникъ. Женихъ, шедшій подъ руку съ невѣстой, останавливался и шепталъ на ухо: «Смотри, тамъ, по аллеѣ идетъ Перецъ».

Зналъ ли онъ, что сердце толпы бьется любовью къ нему? Да! Онъ зналъ и чувствовалъ эту любовь. Оттого - то добродушная усмѣшка играла на устахъ его, когда почитатели устраивали въ честь его банкетъ, когда его встрѣчали бурными апплодисментами. Онъ зналъ о великой любви, которую питали къ нему. Въ его кабинетѣ неизмѣнно появлялись все новые и новые знаки трогательной сердечности и привязанности. Тѣ, кто часто бывалъ у него, съ удовольствіемъ разглядывали золотыя перья, старинной работы подсвѣчники, замѣчательныя табакерки, рѣдкостныя въ библіографическомъ отношеніи книги, адреса — подарки многочисленныхъ почитателей. Въ трудныя минуты эти изъявленія любви къ нему служили поэту отрадой и утѣшеніемъ. Какъ художникъ, Перецъ былъ слишкомъ великъ, чтобы не страдать. Онъ страдалъ оттого, что не всегда ему удавалось выполненіе задуманной работы. Многія изъ его произве

деній, особенно драматическія, похожи на обломки мрамора — имъ не хватаетъ округленности, гармоніи. Отъ тѣхъ, кто умѣлъ наблюдать Переца, не могло укрыться, какъ глубоко Перецъ страдалъ отъ сознанія своего несовершенства. Въ минуты тоски и полнаго упадка духа онъ почерпалъ подкрѣпленіе во всеобщей любви, его окружавшей. Хотя Перецъ всегда казался юнымъ, не слѣдуетъ забывать, что онъ перевалилъ уже шестой десятокъ и что онъ страдалъ порокомъ сердца. Онъ лишь казался моложавымъ: на эстрадѣ, въ обществѣ глаза его искрились огнемъ, движенія его были гибки; на улицѣ за нимъ едва можно было поспѣвать; съ трамвая и пролетки онъ любилъ соскакиваетъ по молодому. Но здѣсь сказывалась натура джентльмена, не желающаго обнаружить передъ свѣтомъ начинающійся упадокъ силъ. Когда Перецъ вечеромъ возвращался домой, картина мѣнялась: за столомъ сидѣлъ старикъ, согбенный, въ очкахъ — старый Перецъ переводилъ «Экклезіаста».. Не разъ раскрывалъ онъ передо мною мечту свою: остатокъ жизни своей посвятить переводу на разговорно-еврейскій языкъ по крайней мѣрѣ лишь трехъ величайшихъ твореній еврейскаго художественнаго генія: Экклезіаста, Іова и Притчей. Большая часть Экклезіаста имъ дѣйствительно переведена и помѣщена была въ варшавской газетѣ «Дасъ Лебенъ».

Мое знакомство съ Перецомъ въ ту зиму произошло на почвѣ нашихъ близкихъ отношеній къ этой газетѣ. Перецъ былъ одинъ изъ главныхъ ея сотрудниковъ. Онъ очевидно находился въ особомъ настроеніи духа, если онъ вмѣсто ожидаемой остроумной статьи присылалъ въ редакцію очеред-

ную главу «Экклезіаста». Мы знали, что для ежедневной газеты это — матеріалъ неподходящій, но уваженіе и любовь къ Перецу и къ его душевнымъ переживаніямъ были такъ велики, что мы каждую пятницу подносили читателю глубокое, исполненное вѣчной мудрости слово Экклезіаста...

Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ:
«Смотри, вотъ это новое»; но это было уже
въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ.
Нѣтъ памяти о прежнемъ;
Да и о томъ, что будетъ
Не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ
послѣ *),

Кто можетъ спорить съ вѣчной мудростью Экклезіаста? Но согласиться съ глубоко-пессимистическимъ утвержденіемъ его послѣдняго стиха нелегко. Нѣтъ! Память не исчезнетъ, и не всѣхъ отошедшихъ поглотитъ потокъ забвенія. Человѣчество дѣйствительно забывчиво, но героевъ своихъ оно помнитъ, помнитъ не только героевъ меча, но также и рыцарей духа и мысли. Къ послѣднимъ принадлежитъ Ицхокъ-Лейбъ Перецъ. Имя его будетъ жить въ глубинахъ нашего сердца.

---

*) Цитир. по синодальн. перев. Библіи, Петроградъ изд. 1915, стр. 454. (С. Л.).

3.

ШОЛОМЪ-АЛЕЙХЕМЪ.

ШОЛОМЪ-АЛЕЙХЕМЪ.

I.

Во всей еврейской литературѣ нѣтъ болѣе интимнаго и задушевнаго поэта, нежели Шоломъ-Алейхемъ. Онъ неизмѣнно и всегда своевременно появлялся, чтобы разсѣять надвинувшіяся тучи, чтобы облегчить душу, чтобы не дать заботамъ сгуститься въ тяжкое, безнадежно-давящее горе. Близкій другъ, знавшій насъ до самыхъ сокровенныхъ уголковъ нашей души со всѣми нашими пороками, онъ осуждалъ эти пороки въ мягкой, жизнерадостной формѣ. Другъ, никогда не бывавшій въ тягость, никогда не злоупотреблявшій своимъ правомъ, никогда не выступавшій въ позѣ обличителя и пророка — онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ. Всѣ любили его: старъ и младъ, женщины и дѣти, богатые и бѣдные. Поистинѣ: несравненный!

Если спросить себя: въ чемъ собственно заключается тайна его привлекательности и его очарованія, то придется сказать, что она скрыта не столько въ его крупномъ талантѣ, не столько въ его несравненномъ языкѣ, не столько въ его геніальномъ юморѣ, сколько въ неистощимомъ родникѣ его теплоты и его нѣжности. Безъ этой нѣжности, безъ его

мягкаго лиризма. его смѣхъ никогда не трогалъ бы насъ такъ глубоко, никогда не оказывалъ бы на насъ такого освѣжающаго, здороваго, нравственнаго дѣйствія. Безъ этой интимности и теплоты, повсюду у него проявляющейся, было бы совершенно непонятно то сладкое чувство легкой возвышающей скорби, которое въ насъ остается послѣ чтенія разсказовъ и монологовъ Шолома-Алейхема, скорби, оплодотворяющей нашу душу, дѣлающей ее воспріимчивой ко всему хорошему. Читая Шолома-Алейхема мы смѣемся, но въ нашемъ смѣхѣ дрожатъ слезы. Не тѣ слезы, что камнемъ ложатся на сердце, но тѣ, свѣтлыя, что удивительно облегчаютъ и освѣжаютъ душу.

Безъ этихъ особыхъ свойствъ смѣхъ Шолома-Алейхема былъ бы или ядовитымъ смѣхомъ сатирика-ипохондрика или легковѣснымъ смѣхомъ «смѣха ради». Но ни того, ни другого рода смѣха нельзя назвать здоровымъ. Сатирика-ипохондрика, общественнаго значенія коего, конечно, не слѣдуетъ умалять, не любятъ потому, что онъ тяжелъ и мраченъ; смѣхъ другого становится à la longue несносенъ потому, что въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ зубоскальства, потому что онъ пустъ, потому, что легкомыслiе надоѣдливо. Юморъ Шолома-Алейхема пропитанъ любовью къ человѣку и глубокой вѣрой въ него вопреки всѣмъ человѣческимъ порокамъ и человѣческой мелочности. Пороки и мелочность не кажутся ему органическими. Я не знаю, обратилъ ли уже кто-нибудь вниманіе на то, что въ произведеніяхъ Шолома-Алейхема совершенно отсутствуетъ типъ дурного человѣка? Есть маленькіе люди съ маленькими интересами, маленькіе потому, что жи-

вутъ въ Касриловкѣ, въ глуши, въ сторонѣ отъ Божьяго міра, вдалекѣ отъ желѣзной дороги, въ ненормальныхъ условіяхъ, въ бѣдности. Касриловкѣ не хватаетъ культуры, благосостоянія, ей просто не достаетъ свѣта и солнца — тамъ слѣдовало бы широко распахнуть двери. Но дурныхъ людей мы тамъ въ сущности не находимъ. Мы проходимъ по низинамъ Касриловки и оставляемъ ее съ чувствомъ неудовлетворенности, даже состраданія, но никогда — съ досадой и тѣмъ менѣе съ отвращеніемъ. Именно его типы торговцевъ, особенно центральная фигура Менахемъ-Менделя, раскрываютъ передъ нами картину всей соціальной необезпеченности крупныхъ слоевъ еврейства, висящихъ въ воздухѣ со всѣмъ своимъ «бытомъ». Менахемъ-Мендель «летящій», бѣгущій сломя голову, изнуряющій свой мозгъ, вѣчно гоняющійся за иллюзіями, открывающій каждый день новое предпріятіе — химеру, — является печальнымъ образчикомъ той соціальной необезпеченности и безпочвенности, заставляющей человѣка строитъ свое зданіе на пескѣ. Однако, какъ человѣкъ, Менахемъ-Мендель превосходный малый, это Донъ Кихотъ отъ торговли и «гешефтмахерства», исполненный удивительнаго оптимизма и невѣроятнаго терпѣнія. Жизнь его — безпрерывная цѣпь катастрофъ. Эти катастрофы однако не ожесточаютъ его, онъ не становится ни меланхоликомъ, ни заядлымъ человѣконенавистникомъ. Онъ остается неизмѣнно веселымъ Шлеміилемъ и съ тоненькой палочкой въ рукѣ несётся по всѣмъ вокзаламъ съ блестящими глазами, окрыленный вѣчно-юной надеждой, что рано или поздно получитъ крупнѣйшій выигрышъ лотереи. Какъ мало похожъ Менахемъ-

Мендель на неудачника, изображеннаго другимъ талантливымъ писателемъ двумя десятилѣтіями позже. Я имѣю ввиду героя Бергельсоновскаго «Вокругъ вокзала» Бинуша Рубинштейна. Сколько въ немъ меланхоліи, какъ мрачно смотритъ онъ на Божій міръ! Какъ легко — напротивъ — оправляется Менахемъ-Мендель отъ ударовъ судьбы! На эту главную черту его характера, на его безграничный оптимизмъ, обратили въ общемъ слишкомъ мало вниманія. Менахемъ-Мендель — «человѣкъ безъ желчи», чрезвычайно активный въ погонѣ за коммерческимъ счастьемъ, человѣкъ выдающейся энергіи и трогательной наивности. Возраженія, которыя можно бы привести противъ типа Менахемъ-Менделя, относятся къ области соціологіи. Нелѣпо, что люди торопятся, бѣгаютъ, суетятся; безсмысленно, что существуетъ столько Менахемъ-Менделей. Но какъ личность, Менахемъ-Мендель не вызваетъ въ насъ никакого протеста, мы ничего не имѣемъ противъ него, по крайней мѣрѣ не больше, нежели его заимодавецъ и компаньонъ молочникъ Тевья. Тевья ссудилъ его нѣсколькими цѣлковыми, необходимыми для открытія «предпріятія» и лелѣетъ надежду на счастливый оборотъ дѣла. Когда же оно, какъ и всѣ прежнія «дѣла», оказывается химерой, Менахемъ-Мендель покорно выслушиваетъ всѣ справедливые упреки и лишь отвѣчаетъ: — Правда, ребъ Тевья, видитъ Богъ: правда. Нежели такая жизнь, нежели такая жизнь, ребъ Тевья!...

«Я стою и смотрю на него — разсказываетъ Тевья — смотрю на этого неудачника, какъ онъ стоитъ, прислонившись къ стѣнѣ, со склоненной головой, со съѣхавшей на бокъ шапкой, и каждый вздохъ его

разрываетъ мнѣ сердце. — Гмъ! говорю я ему: Если вглядѣться повнимательнѣй, то окажется, что и здѣсь воля Божья. Ибо вникнемъ хорошенько: Предположить, что ты испортилъ дѣло злонамѣренно, было бы глупо. Ибо — говорю я себѣ — ты вѣдь былъ заинтересованъ въ дѣлѣ такъ же, какъ и я. Я вложилъ капиталъ, ты — сноровку. Идея твоя — безо всякаго сомнѣнія — была хороша. А что дѣло оказалось мыльнымъ пузыремъ — гмъ!....» Словомъ разговоръ обыкновенно кончался такъ, какъ онъ неизбѣжно долженъ кончаться, когда имѣешь такого компаньона, такого «душевнаго» человѣка, какъ Тевья. Несравненный Тевья забываетъ о собственной потерѣ, утѣшаетъ Менахемъ-Менделя и доказываетъ ему цитатами изъ Священнаго Писанія, что иначе оно и произойти не могло. Конечно, не всѣ компаньоны обладаютъ добрымъ сердцемъ Тевьи. Но въ концѣ концовъ всякій долженъ прійти къ заключенію, что причина неудачъ Менахемъ-Менделя лежитъ не въ его ошибкахъ, а въ его горькой судьбѣ, надѣлившей его «воздушной» профессіей. Въ этомъ отрицательномъ типѣ, созданномъ условіями нашей соціальной жизни, таятся прекрасныя возможности, которыя лишь на здоровой почвѣ могли бы проявиться.

Шоломъ-Алейхемъ слѣдилъ внимательно за еврейской жизнью, онъ исполненъ былъ непреоборимой вѣры въ еврейскій народъ и онъ смѣялся горестно надъ ненормальными формами его жизни, смѣялся надъ внѣшними условіями. Конечно, эти ненормальныя внѣшнія условія должны затронуть и внутреннее существо; конечно, онѣ должны калѣчить душу. Однако о серьёзной порчѣ народнаго

характера не можетъ быть и рѣчи. Поэтому всякій ультиматумъ, поставленный еврейству, кажется Шолому-Алейхему чрезвычайно рискованнымъ. Онъ не принадлежитъ къ тѣмъ, которые приходятъ съ предостереженіями: «Еврейству грозитъ быстрый конецъ, если условія народной жизни не измѣнятся радикально.» Въ юморѣ Шоломъ-Алейхема нѣтъ и намёка на безнадежность. Онъ вѣрилъ въ свой народъ и любилъ его, любилъ его такимъ, какъ онъ есть. Вѣрно, онъ никогда открыто не признавался въ любви, а отъ практической общественной дѣятельности онъ былъ, какъ отъ звѣзды небесной, далекъ, но любовь свою онъ доказалъ всѣмъ своимъ творчествомъ. Любовь есть прежде всего внимательность. А кто же къ еврейской жизни относился внимательнѣе Шоломъ-Алейхема? Кто слѣдилъ за всѣми явленіями еврейской жизни болѣе глубокимъ, болѣе мудрымъ, болѣе мягкимъ взоромъ, кто слѣдилъ за каждой чертой, каждымъ оттѣнкомъ ея, за каждой психологической перемѣной, привнесённой временемъ? Онъ не былъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые говорятъ себѣ: только то-то и то-то достойно моего вниманія. Для него все было цѣнно. Онъ вглядывался въ банкира и богатаго купца такъ же, какъ и въ бѣдняка-неудачника и водоноса. Онъ вникалъ въ ихъ радости и горести. Онъ сопровождалъ мѣстечковаго еврея въ «губернію» въ самое критическое время, въ моментъ, когда этотъ еврей везетъ въ «присутствіе» своего сына, призваннаго къ отбыванію воинской повинности. Онъ переживалъ съ состоятельнымъ, нѣсколько избалованнымъ еврейскимъ мѣщаниномъ трагедію помѣщенія юнаго отпрыска въ гимназію. Онъ присутствовалъ

на каждомъ еврейскомъ праздникѣ, на каждой свадьбѣ, на каждыхъ похоронахъ, чтобы своимъ мастерскимъ перомъ увѣковѣчить картины еврейскаго быта. Послѣдующимъ поколѣніямъ творенія Шоломъ-Алейхема послужатъ матеріаломъ для реконструированія быта евреевъ въ изгнаніи. Онъ сопровождаетъ еврейскихъ эмигрантовъ въ контрольныя станціи, въ Гамбургъ и Нью-Іоркъ, слѣдуетъ съ ними далѣе въ ихъ странствованіяхъ по шумнымъ улицамъ мірового города, слѣдитъ, какъ они изъ «зеленыхъ» превращаются въ нью-іоркскихъ «гражданъ міра» и какъ они сладкій, отрадный сердцу говоръ Тевьи замѣняютъ отвратительнымъ американскимъ жаргономъ. Ни одинъ уголокъ еврейской жизни не остался скрытымъ отъ взора Шоломъ-Алейхема, все нашло въ немъ художественное отображеніе свое. Нездоровое, анормальное онъ осмѣивалъ добродушно — и это слѣдуетъ подчеркнуть: добродушно, никогда — ядовито. Прекрасное, возвышенное, здоровое изображалъ онъ трогательными красками. Когда среди насъ одно время кипѣла и бурлила партійная борьба, — борьба преимущественно искусственная, лишенная реальной почвы, борьба, которая въ большинствѣ случаевъ была лишь препирательствомъ о словахъ — Шоломъ-Алейхемъ распозналъ нездоровый характеръ этого явленія и выставилъ его на посмѣяніе въ своемъ произведеніи: «Первая еврейская республика». Содержаніе его извѣстно: тринадцать человѣкъ спасаются отъ кораблекрушенія и попадаютъ на невѣдомый островъ. Всѣ тринадцать пассажировъ — евреи и принадлежатъ они тринадцати различнымъ партіямъ. Тутъ слѣдуетъ картина партійной борьбы, разгора-

ющейся при заселеніи острова. Учреждаются тринадцать республикъ, избираются тринадцать президентовъ, но на бѣду являются аборигены-островитяне и забираютъ въ плѣнъ всѣхъ тринадцать президентовъ. — Однако Шоломъ-Алейхемъ не прошелъ мимо того идеализма, который воодушевлялъ молодежь въ періодъ такъ называемаго «просвѣщенія». Съ истинной любовью и теплымъ участіемъ изобразилъ онъ революціонера и конспиратора Перчика и милую скромную дочь Тевьи, слѣдующую за Перчикомъ въ сибирскую ссылку. Эта внимательность ко всякому явленію еврейской жизни, ко всякому типу свидѣтельствуетъ о глубокой вѣрности долгу со стороны Шоломъ-Алейхема.

Какъ только нашъ писатель освобождался отъ обычной художественной работы, онъ немедленно возвращался къ излюбленнымъ своимъ героямъ, къ еврейскимъ дѣтямъ, нашедшимъ въ немъ своего самаго подлиннаго поэта; онъ возвращался къ страданіямъ еврейскаго мальчика, сиротки Мотеля Пессе. Но прежде всего онъ въ такихъ случаяхъ опять и неизмѣнно принимался за своего главнаго героя и любимца, за молочника Тевью, являющагося вѣнцомъ не только его собственныхъ твореній, но пожалуй также и всей еврейской литературы.

II.

Еврейская литература! Не обширна она. Небольшой книжный шкафъ вѣроятно оказался бы слишкомъ просторнымъ для вмѣщенія немногочисленныхъ томовъ, ее составляющихъ. Однако въ

ней имѣется нѣсколько хорошихъ книгъ, и если бъ меня спросили, какую изъ нихъ я наиболѣе высоко цѣню, какую больше всѣхъ люблю, какую я хотѣлъ бы имѣть при себѣ въ минуты тяжелыя и тоскливыя, я бы безъ колебаній отвѣтилъ: Книгу о Тевьѣ Молочникѣ. Больше того: если бы мнѣ предложили выбрать изъ всей міровой литературы десять лучшихъ произведеній, то мнѣ было бы тяжело, мнѣ почти чудовищнымъ показалось бы не включить въ это избранное общество Шоломъ-Алейхемскаго «Тевью-Молочника»; ибо эта книга отвѣчаетъ абсолютно всѣмъ требованія и художественнаго творчества. Кто-то вѣрно сказалъ: «Искусство есть нѣжность», «Искусство есть любовь» — безъ любви произведеніе искусства вянетъ и преждевременно приходитъ въ забвеніе.

Произведеніе истинной поэзіи, претендующее на вниманіе грядущихъ поколѣній, должно дѣйствовать возвышающе на наше сердце и душу; все мелочное должно предъ нимъ исчезнуть, мы должны себя чувствовать какъ бы перенесенными въ новый міръ, въ царство возвышенныхъ настроеній; чистая любовь, слова теплыя, прочувствованныя должны обнаружить свою власть надъ нами, должны захватить насъ въ свой потокъ; должны усилить въ насъ потребность въ общеніи съ ближнимъ; намъ должно казаться, что вдыхаемъ чистый воздухъ, напоённый ароматами, и насъ должна охватить нѣжная печаль, многимъ незнакомая. Именно такое чувство возбуждаетъ въ насъ этотъ внѣшне казалось бы простой, но внутренне такой богатый Тевья, когда онъ на своемъ незабвенномъ языкѣ разсказываетъ намъ трогательную исторію своей жизни и своихъ славныхъ

дочерей. Когда отъ насъ уходитъ человѣкъ, возбудившій въ насъ живую симпатію, намъ вдобавокъ доставляетъ удовольствіе говорить о немъ. Итакъ мы хотимъ поговорить о Тевьѣ. Ибо «Тевьи Молочника» уже больше нѣтъ! Въ данномъ случаѣ это не шутка, а къ сожалѣнію горькая правда. Кто же онъ былъ, этотъ еврей, всегда носившій въ себѣ нѣчто отъ праздничнаго настроенія? Въ чемъ заключалось его очарованіе? Чѣмъ Тевья навсегда плѣнилъ наше сердце?

Тевья-молочникъ съ большимъ трудомъ и лишеніями пріобрѣлъ собственную лошадь и повозку и снабжаетъ молочными продуктами дачную мѣстность Бейберку. Нѣсколько разъ въ недѣлю ему приходится проѣзжать ароматнымъ сосновымъ лѣсомъ. Отъ близкаго соприкосновенія съ лѣсомъ въ немъ просыпается и растетъ чувство природы, растутъ его врожденныя внутреннія силы: способность къ воодушевленію, восторгъ, доходящій до экстаза, тихая набожность и философское отношеніе къ непріятностямъ, изъ которыхъ складывается жизнь человѣка вообще, а еврея — въ особенности. Но позвольте! Тевья, этотъ невѣжда — философъ? Да, онъ — вопреки всему — философъ, да еще въ высокой степени; ибо его невѣжество, такъ сказать, технической натуры. Въ дѣйствительности онъ — великій мудрецъ.

Сбывъ свои молочные продукты, Тевья немедленно пускался въ обратный путь по зеленому лѣсу, предоставляя своей лошадкѣ брести привольной рысцой; самъ онъ при этомъ пріятно углублялся во всяческіе вопросы метафизики, а пуще всего

— въ загадку: почему люди такъ нелѣпо и глупо устроили свою жизнь?

«Солнышко грѣетъ, мухи жужжатъ, міръ обнимаетъ тебя такъ чудесно, раскинувшись на необъятномъ просторѣ; хочется подняться въ высь воздушную, чтобъ улетѣть, распластаться, чтобъ уплыть далеко далеко!».

Когда дачники около праздника Кущей возвращаются въ городъ и возиться съ крынками молока приходится меньше, Тевья охотно посиживаетъ передъ избой на заваленкѣ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этихъ спокойныхъ дняхъ: «Это время — для меня самое счастливое. Солнце не печетъ такъ сильно, оно ласкаетъ мягко такъ, что сердце расплывается отъ блаженства; лѣсъ стоитъ все еще зеленый; сосны продолжаютъ испускать смоляной ароматъ, и мнѣ кажется, что лѣсъ настроенъ празднично, какъ будто образуетъ Кущу для Господа Бога нашего, Кущу, спеціально для Него уготованную. Здѣсь — думаю я про себя — Творецъ совершаетъ Свой праздничный обрядъ; здѣсь, а не въ городѣ, не въ грохотѣ и суетѣ, не тамъ, гдѣ люди вѣчно гонятся за заработкомъ, гдѣ ничего другого не слышно кромѣ: «Денегъ, денегъ, денегъ»... о ближнемъ я уже не говорю! Гошано - Раббо *) къ примѣру для меня безусловно чистѣйшій рай! Небо такое синее — синее, звѣзды мерцаютъ, блестятъ, блѣднѣютъ и снова разгораются, мигаютъ, какъ очи человѣческія! Иной разъ звѣзда, какъ стрѣла изъ лука, летитъ на землю, обозначивъ путь свой полосой зеле-

*) Евр. праздникъ (прим.. переводчика).

новатаго свѣта.. Закатилось чье-нибудь счастіе, и что ни звѣзда — то судьба человѣческая... судьба еврейская!»

Тевья — тихій но страстный поклонникъ природы, и его доброе, по весеннему молодое сердце всегда чутко и всѣмъ впечатлѣніямъ доступно. Онъ говоритъ охотно и много, и все таки мы не хотѣли бы потерять ни одного слова изъ его разговоровъ. О чемъ бы онъ ни говорилъ слова его неизмѣнно значительны и глубоки, ибо они рождены не душевной пустотою, а внутреннимъ богатствомъ переживаній, они идутъ отъ сердца, преисполненнаго доброты и любви (дурные люди скрыты и скупы на слова, добрые — обыкновенно разговорчивы). Со своимъ ближнимъ онъ на рѣдкость откровененъ. Самомалѣйшая сдержанность, обычно проявляемая по отношенію къ людямъ незнакомымъ, кажется Тевьѣ невыносимо-тяжелой; со всякимъ встрѣчнымъ онъ, какъ съ добрымъ старымъ знакомымъ, болталъ бы съ великимъ удовольствіемъ, спрашивалъ бы, чѣмъ занимается, какъ идутъ дѣла его; ибо онъ чувствуетъ мощное притяженіе къ людямъ, независимо отъ ихъ классовой принадлежности. Онъ никогда не чувствуетъ себя ничтожнымъ или пришибленнымъ; въ Тевьѣ-молочникѣ живетъ гордое чувство аристократа; онъ — аристократъ и притомъ въ высокой степени аристократъ. Легкость, съ какой онъ завязываетъ знакомства, увѣренность, съ какой онъ завязываетъ знакомства, увѣренность, съ какой онъ выступаетъ повсюду, говорятъ о внутреннемъ благородствѣ, объ его безграничной добротѣ. Тевьѣ непонятно, почему люди такъ часто находятся въ плохомъ расположеніи ду-

ха, почему они брюзжатъ, почему сердятся въ разговорѣ другъ съ другомъ. Развѣ нужна особая причина для того, чтобы радоваться, чтобы морщины сгладились и исчезли? Что касается его, то онъ всегда находится въ одинаково хорошемъ настроеніи.

Его скептицизмъ — не того дешеваго сорта, который свойственъ ограниченному середняку; нѣтъ, его скептицизмъ по природѣ своей добродушный, характерный для тонкаго наблюдателя, для человѣка, совмѣщающаго большой опытъ съ душевнымъ благородствомъ стараго аристократа. Тевья — человѣкъ золотого сердца, онъ чувствуетъ потребность быть со всѣми на «ты» — просто изъ расположенія; но къ великому его огорченію по отношенію къ чужимъ приходится сохранять сдержанность. Зато какъ только Тевьѣ гдѣ - нибудь удавалось выискать хотя-бы самаго дальняго родственника такъ, что его потребность въ общеніи получала, такъ сказать, законную почву, всѣ границы исчезали, и сердце его начинало изливать любовь и тепло въ расточительномъ изобиліи. — «Если дѣла таковы, тогда скажи мнѣ, мой дорогой Менахемъ-Мендель, душа моя, какъ ты поживаешь?» Это — не façon de parler, не - пустыя фразы, это голосъ задушевности, голосъ прочувствованной любви къ ближнему.

Бываютъ въ его жизни также и непріятныя минуты. Менахемъ-Мендель теряетъ его «капиталъ», чужіе люди проникаютъ въ его домъ, домогаются хитростью его довѣрія — а какъ легко добиться его довѣрія! —; на него надвигается чуждый міръ, но мимо всего этого онъ проходитъ, не волнуясь; ему помогаетъ при этомъ его доброта, его житейская муд-

рость; онъ прибѣгаетъ при этомъ къ характерному для него изреченію: «Эхма, если хорошенько вникнуть и взвѣсить всѣ обстоятельства дѣла.» Въ концѣ концовъ Тевья, разумѣется, сдается, и самъ помогаетъ осуществленію того, противъ чего собирался воевать.

Такъ, еврейскій революціонеръ и заговорщикъ становится у него своимъ человѣкомъ, беретъ его дочь, прекрасную, благородную Годель. И Тевья самъ впрягаетъ лошадку и отвозитъ своего тестя на вокзалъ, откуда таинственный революціонеръ уходитъ вдаль; затѣмъ онъ опять впрягаетъ лошадку, но теперь уже для своей Годель, отправляющейся въ далекіе, невѣдомые края, о которыхъ онъ, любящій и вѣрный отецъ, не имѣетъ никакого понятія. О, какъ разрывается сердце бѣднаго Тевьи, когда вспоминаетъ возвращеніе съ вокзала — когда подумаетъ, какое онъ оставилъ тамъ чудное, прекрасное дитя!

Печальныя повѣсти Тевьи о семи дочеряхъ своихъ даютъ намъ понятіе о важныхъ, драматическихъ моментахъ жизни еврейской семьи, замѣнившей новыми формами свои старые традиціонные устои. Еврейскія дѣвушки покидаютъ родительскій домъ для того, чтобы уйти въ далекіе края... Тевья видитъ зарожденіе новаго міра; многаго изъ возникающаго онъ не понимаетъ; многое причиняетъ ему горе, но онъ уступаетъ.

«Смилуйся, Господи и Отче» вздыхалъ онъ обыкновенно и все-таки сдавался. Почему онъ уступаетъ, мы уже видѣли: мягкость его исключаетъ возможность борьбы.

Подобно тому, какъ произведенія Шоломъ-Алейхема послужатъ нѣкогда неоцѣнимымъ матеріаломъ для изученія еврейской жизни въ теченіе извѣстнаго періода изгнанія, подобно этому книга о молочникѣ — Тевьѣ останется классической картиной эволюціи еврейской семьи со всѣми ея драматическими эпизодами и трагическими коллизіями; она останется картиной патріархальнаго періода, когда Шоломъ-Алейхемъ писалъ свою «Стемпеню» — котораго, мимоходомъ замѣтимъ, слишкомъ не дооцѣнили — когда онъ писалъ свой романъ о любви Рахили къ скрипачу Стемпеню, ее очаровывающему. Это печальный романъ, ибо Рахиль — женщина набожная, и грѣшныя мысли о «немъ», обступающія ее въ ясную, лунную, прекрасную, какъ сонъ, лѣтнюю ночь, она старается побороть пламенной молитвой, вечерней молитвой «Шема» *).

Съ тѣхъ поръ, какъ Рахиль втайнѣ боролась и страдала, съ тѣхъ поръ, какъ она втихомолку напѣвала:

«На горѣ голубка
Воркуетъ печально:
— Ахъ, мой другъ,
Не могу къ тебѣ летѣть!...»

съ той тихой, невинной поры, когда еврейскія дѣвушки никому не осмѣливались довѣрять свои чувства, когда никто не зналъ, никто не долженъ былъ знать, что въ ихъ душѣ происходитъ, какъ дрожитъ

---

*) «Слушай, Израиль!» — молитва на сонъ грядущій (Примѣч. переводчика).

и замираетъ ихъ сердце, какъ оно болитъ и надрывается, — съ той поры прошло уже почти тридцать лѣтъ. Въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ еврейская женщина глубоко измѣнилась; она побывала въ Америкѣ, въ Палестинѣ, въ Сибири, она посѣщала университетскіе курсы и если у нея нѣтъ охоты хоронить тайну своего сердца, то она таки и не скрываетъ ее, хотя бы тайна эта относилась къ такому человѣку, какъ Хведько Галаганъ.

Однако въ исторіи съ Хведькой Галаганомъ не уступилъ даже и Тевья. Тутъ онъ оказался стойкимъ, твердымъ, какъ сталь, неколебимымъ, какъ скала. Ибо здѣсь дѣло шло о главномъ, а главное онъ, Тевья, — на рѣдкость великій и глубокій еврей — умѣетъ защищать. Хаву онъ, съ любовью преданный, готовый на самопожертвованіе отецъ, оттолкнулъ. Тяжелъ былъ для него разрывъ, онъ испыталъ несказанное горе. Онъ самъ намъ разсказываетъ, какъ тяжки были его страданія. Какое потрясающее впечатлѣніе производитъ сцена, какъ Хава, выкрестка, нѣкогда самый любимый, одаренный и многообѣщающій ребенокъ его, нынѣ бѣжитъ за повозкой Тевьи, какъ онъ, отецъ ея, подстегиваетъ лошадей, даже не оборачивается въ ея сторону, притворившись слѣпымъ и глухимъ, хотя сердце его отъ пытки обливается кровью. Эта картина принадлежитъ къ числу величайшихъ достиженій нашей литературы.

4.

ЯКОВЪ ДИНЕЗОНЪ.

ЯКОВЪ ДИНЕЗОНЪ.

Одинъ за другимъ изъ нашего случайнаго временнаго міра уходятъ въ міръ вѣчный старѣйшіе и лучшіе представители еврейской литературы. За эти послѣднія пять лѣтъ мы потеряли Переца, Шоломъ-Алейхема, Менделе, Фруга, а нынѣ къ сонму отошедшихъ присоединился и старенькій, добрый Динезонъ. Послѣ смерти Переца жизнь Динезона — собственно говоря — потеряла всякій смыслъ и цѣль: такъ тѣсно были связаны между собою Перецъ и Динезонъ, такъ интимна, такъ безконечно глубока была ихъ дружба! Казалось, что Динезонъ задержался среди насъ дольше только потому, что дорогимъ сердцу его евреямъ въ послѣдніе годы пришлось особенно-тяжко страдать, что было очень много работы, а, можетъ быть, онъ остался для того, чтобы привести въ порядокъ многочисленныя рукописи своего лучшаго, безцѣннаго друга.

Во всякомъ случаѣ послѣ этой огромной потери жизнь потеряла для него свою прелесть. Можно было полагать, что онъ умретъ тихо, спокойно, съ той же добродушной усмѣшкой, которая никогда не сходила съ лица его. Приходится поэтому удивляться, что агонія его продолжалась долго. Перецъ не

хотѣлъ умирать. Смерти пришлось нанести ему ударъ въ сердце, иначе пришлось бы съ нимъ бороться, препираться. Но Динезонъ! Тутъ для смерти очень легкая работа. Ибо даже смерти онъ не можетъ отказать; этотъ скромный страдалецъ на послѣднее напоминаніе отвѣтилъ бы такъ: «Сію минуту, я готовъ...»

Нынѣ его не стало. На насъ лежитъ долгъ удержать образъ этого на рѣдкость славнаго человѣка..

Я мысленно переношусь въ изящный, съ большимъ вкусомъ убранный рабочій кабинетъ на Іерусалимской улицѣ въ Варшавѣ. Перецъ оживленно, энеричнымъ шагомъ ходитъ взадъ и впередъ. Онъ въ оченъ хорошемъ настроеніи духа. Въ такомъ настроеніи онъ бывалъ всякій разъ, когда къ нему приходили съ новымъ литературнымъ или художественнымъ планомъ; или, когда новая, только что появившаяся книга производила на него хорошее впечатлѣніе; или, когда ему особенно хорошо удавалось перевести на еврейскій языкъ очередную главу изъ «Іова» или «Притчей». А хорошое настроеніе Переца было для гостей его настоящимъ праздникомъ духа. Старикъ дѣйствительно молодѣлъ. Большіе выпуклые глаза его чудесно сіяли отъ возбужденія, разговоръ сразу становился богаче содержаніемъ, блестя остроуміемъ и образностью. Мимоходомъ онъ треплетъ по плечу молодого человѣка и обращается къ чистенькому старичку, за круглымъ столикомъ набивающему папиросы: «Что, Динезонъ, каково твое мнѣніе обо всемъ этомъ?» Гость — новичокъ при этомъ восклицаніи Переца удивленно оборачивается, поближе всматриваясь въ лицо старичка: «Вотъ какъ, такъ это — Динезонъ!» Въ своей разсѣянности хозяинъ

часто забывалъ представить его своимъ гостямъ. «Итакъ, вотъ онъ — Динезонъ — продолжалъ гость свои размышленія — цѣлая полоса въ исторіи еврейской литературы, одинъ изъ любимѣйшихъ писателей, романы котораго нѣкогда такъ сильно потрясали сердца, надъ героями котораго пролито столько горячихъ слезъ!» Въ безчисленныхъ еврейскихъ семьяхъ въ провинціи духовно жили заодно съ Рухомой, Розой, Іосифомъ, переживали судьбу этихъ удивительныхъ, нѣжно-чувствительныхъ героевъ Динезона, умѣвшихъ такъ пламенно любить, вздыхали и плакали надъ печальнымъ жребіемъ благородныхъ влюбленныхъ и съ равной силой чувства ненавидѣли «чернаго молодого человѣка», фигуру, въ которой авторъ воплотилъ все низкое, дурное, испорченное. Оживаютъ воспоминанія дѣтства. Деревня на Украинѣ. Субботній вечеръ послѣ ужина. Отецъ съ толстымъ фоліантомъ въ рукѣ уединился въ залу, а молодежь и дамы остались въ столовой. Абсолютная тишина. Затаивъ дыханіе, слушаютъ чтеніе Динезоновскаго романа, занесеннаго изъ Литвы странствующимъ книгоношей. Что дамы то и дѣло подносятъ платокъ къ глазамъ — неудивительно: онѣ вѣдь по части слезъ — мастерицы, а Динезонъ дѣйствительно сильно ударяетъ по сердцу. Но вотъ и самъ чтецъ, молодой человѣкъ съ энергичнымъ, отъ постоянныхъ разъѣздовъ по ярмаркамъ, обвѣтреннымъ лицомъ, вынужденъ сдѣлать перерывъ. У него вдругъ пересохло въ горлѣ, влажный туманъ засталъ глаза, въ углу рта онъ неожиданно чувствуетъ соленую каплю, и раньше, нежели ему удается попытка скрыть свое смущеніе, слезы одна за другой бѣгутъ по щекамъ его. Такъ велико дѣй-

ствіе раздирательнаго письма героя къ своей возлюбленной. Но что такое слезы человѣческія? Нѣчто дешевое. Творенія писателя получаютъ печать безсмертія не оттого, что надъ ними нѣкогда проливали слезы. Динезонъ, какъ писатель, несомнѣнно принадлежитъ исторіи. Новыя времена настали, обозначились новыя теченія въ литературѣ, зародились новыя требованія и понятія. Въ еврейской литературѣ, какъ и въ литературахъ другихъ народовъ, есть свои опредѣленныя эхохи — десятилѣтія и есть писатели, всецѣло принадлежащіе опредѣленной эпохѣ — десятилѣтію, стоящіе на почвѣ ея — такъ сказать — обѣими ногами. Они не могутъ сойти съ этой почвы, не въ состояніи подняться за предѣлы ея, не въ состояніи подняться въ царство непреходящаго, вѣчнаго. Къ этой категоріи писателей принадлежитъ и Динезонъ. Исторія еврейской литературы несомнѣнно съ благодарностью помянетъ его за то благородство чувствъ, которое этотъ авторъ воспитывалъ въ читателяхъ. Она далѣе помянетъ его, какъ человѣка прекрасной души и золотого сердца. Но при этомъ она признаетъ — при всей симпатіи къ нему, — что книги его лишь въ свое время сумѣли произвести впечатлѣніе на читателей, что нынѣ онѣ имѣютъ лишь историческую цѣнность, что романы нѣкогда обожаемаго Динезона читаются все меньше и меньше. Ахъ, кажется, что ихъ уже вовсе не читаютъ болѣе. Они приходятъ въ забвеніе...

Писатели, которымъ дано испить горькую чашу забвенія, обыкновенно не имѣютъ мужества и силы склониться передъ неизбѣжнымъ, суровымъ закономъ. Съ выраженіемъ досады и обиды на лицѣ

они забираются въ уголъ и оттуда брюзжатъ по адресу молодого «неблагодарнаго» поколѣнія. Если къ такому одиночеству души присоединяется еще одиночество личной жизни, если у такого автора нѣтъ ни жены, ни дѣтей, если онъ — старый холостякъ и комнатный жилецъ, который самъ себѣ варитъ чай на спиртовкѣ — чувство обиды вырастаетъ въ немъ въ ожесточенность и преждевременныя морщины еще глубже врѣзываются въ его хмурое чело.

Однако красивый старикъ, что сидитъ тамъ за круглымъ столикомъ и набиваетъ папиросы для своего дорогого друга Переца, этотъ старый Динезонъ, книги котораго уже не читаются, который не знаетъ также и семейнаго счастія — какъ удалось ему избѣжать горькаго отпечатка личной ожесточенности и душевнаго разочарованія? Гдѣ и когда научился онъ искусству глядѣть на міръ Божій съ такой легкостью и доброжелательствомъ? Пусть онъ разскажетъ намъ, чѣмъ достигалъ онъ умѣнія при каждомъ литературномъ успѣхѣ молодыхъ не думать прежде всего о томъ, что его, Динезона, читаютъ мало или вовсе не читаютъ? Чѣмъ достигалъ онъ умѣнья встрѣчать молодого автора съ распростертыми объятіями и отъ всего переполненнаго сердца поздравить его съ успѣхомъ, умѣнія помогать этому успѣху, умѣнія вообще помогать, радоваться чужой радостью? Чѣмъ онъ всего этого достигалъ? — Да ничѣмъ! Этой способности вообще не вырабатываютъ въ себѣ. Она — счастіе свыше, даръ судьбы.

Динезонъ былъ такимъ счастливцемъ. Отсюда его расположеніе къ людямъ, проникавшее все существо его. Онъ не протестовалъ противъ недопущенія его въ Пантеонъ безсмертныхъ, онъ удовлетво-

рялся своимъ скромнымъ мѣстомъ въ исторіи еврейской литературы, гдѣ его — правильно оцѣненнаго — поминаютъ все-таки съ любовью и теплотой. Онъ говорилъ себѣ самому: «Конечно, я не принадлежу къ великимъ. Не всѣмъ же дано быть великими. Я радъ, что къ ихъ числу принадлежитъ мой другъ Перецъ. Говорятъ, что по поводу несчастной любви не подымаютъ такого шума, какой обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ происходитъ въ мои романахъ; говорятъ, что не вздыхаютъ такъ много въ дѣйствительности, что не проливаютъ столькихъ слезъ. Въ нынѣшней литературѣ подобныя вещи изображаются вовсе уже не такъ трагически, какъ это дѣлалъ я. Вполнѣ возможно, конечно. Если я однако дѣлалъ это такъ, а не иначе, то не потому, что я представлялъ собою опредѣленное литературное направленіе, а потому, что сердце во мнѣ сильно страдало, реагируя на несчастія моихъ героевъ и несправедливость міра. Я — видите ли — имѣю нѣсколько мягкое сердце...»

Мягкое, доброе сердце! Динезонъ вѣчно работалъ. Лишившись міра поэтическаго, онъ отдался реальному міру, отдался людямъ реальнымъ съ такой же силой, съ какой раньше отдавался своимъ выдуманнымъ людямъ. Со всѣмъ жаромъ своего сердца старый холостякъ отдалъ себя на служеніе тѣмъ взрослымъ беззаботнымъ дѣтямъ, что называются литераторами. Сытые и довольные люди брюзжатъ иногда по ихъ адресу, забывая, что имѣютъ дѣло съ людьми, живущими въ области духа. Жизнь этой категоріи людей — также и у другихъ народовъ — невеселая, а у литераторовъ евреевъ она ненормальна, какъ и вся еврейская жизнь. Еврей-

скій писатель ведетъ полукочевой образъ жизни, каждому изъ нихъ приходится переживать полосу сильныхъ сомнѣній, нуженъ - ли онъ, нуждаются-ли въ немъ вообще? Крупныя заботы неизмѣнно одолѣваютъ его, его одолѣваетъ одиночество. Динезонъ, который давнымъ давно отказался отъ личнаго счастія, всегда встрѣчалъ этихъ взрослыхъ дѣтей, своихъ братьевъ-писателей, съ распростертыми объятіями. Онъ помогалъ совѣтомъ, ходатайствомъ предъ издателемъ, добрымъ словомъ утѣшенія, а чаще всего — нѣсколькими рублями. Онъ былъ искреннимъ другомъ писательской братіи, но лучшую часть своей души онъ отдалъ Перецу. Врядъ-ли можно себѣ представить отношенія, болѣе нѣжныя, болѣе трогательныя, нежели тѣ, которыя существовали между Перецомъ и Динезономъ. Динезону доставляло величайшее удовольствіе разсказывать о Перецѣ, о его молодости, его первыхъ литературныхъ успѣхахъ, о послѣднихъ годахъ его жизни. А иногда онъ выдавалъ тайну, неожиданно вскрывавшую новую черту въ характерѣ Переца. Такъ разсказалъ онъ, напримѣръ, какъ Перецъ однажды былъ окончательно выведенъ изъ терпѣнія нѣкимъ молодымъ человѣкомъ, изводившимъ знаменитаго писателя своими рукописями и стихами. Перецъ рѣзко отказалъ ему. Молодой человѣкъ ушелъ глубоко-потрясенный. Отъ Переца не скрылось душевное состояніе ушедшаго. Разстроенный видъ юноши не давалъ ему покоя. Утромъ слѣдующаго дня, чуть свѣтъ, Перецъ явился къ Динезону, поднялъ его съ кровати, прося помочь разыскать вчерашняго гостя для того, чтобы ободрить и утѣшить его...

Оба друга нынѣ опять вмѣстѣ — въ мірѣ вѣчномъ, которой мы ради утѣшенія называемъ праведнымъ. Когда райскія двери — а какія иныя двери могутъ раскрыться передъ чистѣйшей душою — раскрылись передъ Динезономъ, онъ увидалъ Переца, который спѣшилъ къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями и сіяющимъ лицомъ:

«Динезонъ, другъ Динезонъ! Гдѣ ты такъ долго пропадалъ? Впервые въ теченіе нашей дружбы мы не видались такъ долго!»

И Динезонъ отвѣчаетъ:

«Много было работы! Много бѣдствій стряслось надъ евреями: погромы, голодъ. Масса еврейскихъ дѣтей осиротѣла. Ну, и рукописи твои вѣдь тоже надо было привести въ порядокъ: слишкомъ аккуратнымъ человѣкомъ ты никогда вѣдь не былъ, Перецъ!...»

5.

ШОЛОМЪ АШЪ.

ШОЛОМЪ АШЪ.

«ГОРОДОКЪ».

I.

Шоломъ Ашъ войдетъ въ исторію еврейской литературы, какъ творецъ удивительной легенды, извѣстной подъ названіемъ «Городокъ». Его будутъ не только почитать, но также и любить за его чудесную поэму, за это эпическое повѣствованіе о людяхъ простыхъ, примитивныхъ, но крѣпкихъ своими глубоко - жизненными корнями.

О «Временахъ Мессіи», «Богѣ мести», и «СаббатаѢ Цеви» будутъ писать критическіе этюды, будутъ удивляться, что на путяхъ творчества еврей изъ Кутно Шоломъ Ашъ встрѣтился съ геніальнымъ болѣзненнымъ Ѳеодоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ и съ великимъ норвежцемъ Ибсеномъ. Не нужно глубокихъ изслѣдованій, чтобы установить связь между богоборчествомъ Янкеля Шапшовича и страстнымъ вопросомъ Карамазова: «Почему Богъ наказываетъ чистыхъ, невинныхъ дѣтей?» Далѣе: не тяготѣетъ ли надъ головой Ривки то же проклятіе, что и надъ Освальдомъ, сыномъ фру Альвингъ?.. Не наказаны ли и тотъ и другая за грѣхи отцовъ?

Богъ мести и возмездія одинаково несправедливъ къ обоимъ и своей несправедливостью онъ вызываетъ протестъ, который въ обѣихъ произведеніяхъ выражается въ одинаковой формѣ: Янкель Шапшовичъ возвращаетъ обратно Тору, Карамазовъ выражаетъ желаніе «возвратить билетъ»...

Будетъ установлено и много другихъ пунктовъ сходства между Шоломомъ Ашемъ и различными современными европейскими художниками слова. Я глубоко убѣжденъ, что историческая фигура Саббатая Цеви, сильно модернизированная Ашемъ, напомнитъ многимъ трагическій образъ Гауптмановскаго «мастера Гейнриха».

Но есть у Шолома Аша одно произведеніе, одно особенное, которое стоитъ совсѣмъ одиноко, въ сторонѣ отъ остальныхъ его писаній. Въ немъ авторъ выступаетъ не какъ сынъ своего вѣка, не какъ разслабленный сомнѣніями и напичканный проблемами современный интеллигентъ, но какъ случайный гость изъ далекой-далекой страны. Онъ приходитъ въ огромный городъ, гдѣ все кипитъ и варится въ котлѣ культуры, гдѣ человѣкъ бьется въ сѣтяхъ мучительныхъ проблемъ, гдѣ душа человѣческая лежитъ дряблая, разорванная въ клочья, — приходитъ онъ и языкомъ и тономъ «дальней стороны» разсказываетъ намъ спокойно, не торопясь, какъ живутъ люди тамъ — въ «Городкѣ». Міръ, исполненный законченности и гармоніи, открывается передъ глазами усталаго европейца, знающаго лишь диссонансы, лишь мучительные конфликты и неизбѣжныя опасности. Какимъ совершенствомъ, какой идиллической красотой, какимъ безмятежнымъ покоемъ вѣетъ отъ этого «Городка»!

Дальше: Религія. Каждый шагъ, каждое движеніе обитателей «Городка» еще проникнуто крѣпкой вѣрой. Кому поклоняются эти рѣдкостные, своеобразные люди? Ихъ Богъ совсѣмъ не похожъ на Бога современной Европы, на кумиръ Исидора Лешà въ произведеніи Мирбо, на идолъ Давида Гроссмана въ произведеніи Юшкевича или на кумиръ Маякина въ романѣ Горькаго. Онъ не похожъ на тѣхъ божковъ, которые раскалываютъ людское общество на два враждебныхъ лагеря, рождаютъ слезы и скрежетъ зубовный, гонятъ тысячи людей въ холодное одиночество, наполняютъ воздухъ грохотомъ хаоса и воплями и все и вся, даже храмъ, низводятъ въ пошлость. Такъ Герценъ, напримѣръ, жалуется, что англичане свою церковь называютъ «Божьей лавочкой» —«Godshop».

Удивительная гармонія, которая вѣетъ отъ жизни этого «Городка», находится въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что характеризуетъ современное общество. Вмѣсто варварскаго отчужденія здѣсь патріархальная общительность, вмѣсто вынужденнаго индивидуализма, подъ гнетомъ котораго стонетъ человѣкъ — братски теплая общественность. Здѣсь нѣтъ ни слѣда внутренней разорванности, ни европейскихъ рефлексовъ, ни сомнѣній, ни адскихъ мукъ, на огнѣ которыхъ сгораетъ, вопія къ небесамъ, душа современнаго интеллигента.

Съ восторгомъ останавливается европейскій интеллигентъ передъ картинами, развернутыми Ашемъ. Онѣ — именно то, чего жаждетъ душа его, здѣсь находитъ онъ то материнское лоно, на которое ему такъ хочется склонить свою усталую голову, успокоить свой измученный мозгъ. Тяжко было бремя,

которое онъ нѣкогда слишкомъ самоувѣренно взвалилъ себѣ на плечи. Нынѣ онъ чувствуетъ себя почти раздавленнымъ. Конечно, онъ долго носился по Европѣ съ красивыми словами о силѣ и одиночествѣ, о цѣнности погони за великимъ невозможнымъ, о красотѣ борьбы — но онъ не выдержалъ, силы его уже надломлены. Сердце его наболѣло, онъ жаждетъ безмятежной идиллiи. Онъ изстрадался, онъ тоскуетъ по гармоніи, покою, умиротворенности; онъ жаждетъ простой, крѣпкой вѣры. Онъ пресыщенъ всяческими сомнѣніями, ему надоѣлъ саркастическій духъ Вольтера; и разочаровался въ борьбѣ. Его душа стремится къ отзвучавшимъ легендамъ прошлаго, къ библейскому стилю, къ патріархально-пастушеской жизни, къ натурамъ созерцательнымъ, къ человѣку, мирно двигающемуся по зеленѣющей дорогѣ верхомъ на осликѣ съ пальмовой вѣтвью въ рукѣ.

Оскаръ Уайльдъ пьетъ изъ полной чаши наслажденія. Онъ — настоящій вѣнецъ современной культуры, на устахъ его играетъ ироническая усмѣшка Петронія, и все-таки онъ кончаетъ разрывомъ съ богато разукрашеннымъ кабинетомъ Доріана Грея, надѣваетъ простую пастушескую одежду и пишетъ свою несравненную легенду.

Есть еще одинъ крупный мастеръ слова: Гамсунъ, излюбленный писатель Европы, охотно скрывающій своихъ героевъ въ густыхъ лѣсахъ, вдали отъ дурныхъ городовъ. Однажды онъ шелъ по дорогѣ и увидѣлъ слѣдующую картину:

Поздній вечеръ. Посреди поля стоитъ поѣздъ и ждетъ другого, который каждую минуту долженъ

примчаться. Изъ купэ выходитъ пассажиръ-мусульманинъ. Онъ пользуется остановкой, чтобы помолиться въ чистомъ полѣ подъ открытымъ небомъ. Онъ простираетъ руки, ложится на мокрую землю, цѣлуетъ ее, и уста его шепчутъ: «Аллахъ, Аллахъ!»... Издали показываются три огненныхъ глаза — поѣздъ, грохоча, примчался. Всѣ спѣшатъ занять мѣста. Мусульманинъ стоитъ погруженный въ молитву. «Скорѣй, скорѣй!» кричатъ ему со всѣхъ сторонъ. Послѣдній свистокъ, колеса приходятъ въ движеніе, а мусульманинъ все еще стоитъ неподвижно, застывъ въ молитвѣ, воздѣвъ очи горѣ: «Аллахъ, Аллахъ!»

Великій художникъ, глубокій скептикъ охваченъ восторгомъ. Онъ воспѣваетъ мусульманина въ лирическихъ стихахъ. Онъ очарованъ этимъ намекомъ на своеобразный, нездѣшній, такой простой и такой гармоническій міръ, такъ рѣзко непохожій на современность, такой прекрасный. То же чувство имъ овладѣетъ при видѣ Ашевскаго патріарха ребъ Іехезкеля, погруженнаго въ свою «Шмону Эсру» *) въ моментъ, когда ему доносятъ, что плоты его унесены половодьемъ. Помните?

«Вдругъ, когда всѣ какъ бы застыли въ тихой молитвѣ, за окномъ раздался ревъ и грохотъ, какъ будто море вливалось въ другое. Затѣмъ на одно мгновеніе все затихло. «Держи, держи!» раздался крикъ. Голосъ гремитъ, какъ ударъ кулакомъ по оконной рамѣ. Жена Хаима уже на улицѣ, Нота проснулся и мгновеніе озирается: не горитъ-ли? За-

*) Ежедневная молитва. (Примѣч. перев.).

тѣмъ онъ внезапно соображаетъ и летитъ стрѣлою вонъ изъ избы.

Подростокъ не можетъ дольше выдержать. Онъ хочетъ прервать молитву, выскочить изъ коморки, но видитъ, что оба взрослыхъ неподвижно стоятъ на молитвѣ и имъ овладѣваетъ испугъ. Онъ хочетъ продолжать прерванную молитву, но чувствуетъ смущеніе передъ Богомъ и краснѣетъ. Внезапно раскрывается дверь, едва дыша влетаетъ Хаимъ:

— Пане, третью балку уже унесло!

Евреи стоятъ, не шевелясь; молятся.»

Нужно понять всю глубину оскорбленія, наносимаго человѣческому «я» современной городской культурой; надо понять весь ужасъ дьявольской травли, моральной и душевной оголенности; надо видѣть Давида Гроссмана, какъ онъ сидитъ на денежномъ мѣшкѣ, озираясь волчьими глазами; надо послушать, какъ Исидоръ Лещ одурачиваетъ людей, какъ онъ продаетъ за деньги то, за что люди раньше жертвовали собою, отдавая себя на растерзаніе; надо припомнить всю кровавую ложь, царящую въ городахъ и отравляющую воздухъ, — чтобы въ достаточной мѣрѣ оцѣнить всю цѣломудренную красоту «Городка», чтобы понять, какое огромное значеніе для насъ имѣетъ равнодушіе ребъ Іехезкеля къ судьбѣ своихъ плотовъ, его невозмутимость при крикѣ: «Держи! Держи!» и безпечное спокойствіе мусульманина, нетрогающагося съ мѣста, пока не кончитъ молиться.

Намъ, жителямъ крупныхъ городовъ, «Городокъ» Аша особенно дорогъ. Почему? Почему намъ такъ трудно оторваться отъ страницъ этой поэмы? Что

нравится намъ, почему мы такъ охотно бродимъ съ Ашемъ по тихимъ закоулкамъ «Городка», исполненнымъ теплоты и радости? Почему? Да по той же причинѣ, что нѣкогда вынудила Шатобріана отъ суровой, полной несправедливости жизни бѣжать къ дикимъ индѣйцамъ, что геніальному Пушкину продиктовала «Цыганъ».

Борьба разобщила людей, каждый старается урвать свой «кусочекъ счастья» и скрыться.

Прячутся съ женой и дѣтьми,
Закрываютъ двери и ставни, чтобы никто
не видѣлъ,
И втихомолку, чтобы никто не слышалъ,
Сосутъ въ своихъ берлогахъ каждый свой
кусочекъ счастья *).
(Шнеуръ).

Кто недостаточно ловокъ, кто слишкомъ мягокъ, чтобы урвать «свой кусочекъ счастья», тотъ бродитъ одиноко, о томъ никто не заботится.

Есть прекрасные большіе города, великолѣпныя показныя клѣтки, въ нихъ живутъ люди, каждый изъ нихъ предоставленъ самому себѣ, нѣтъ между ними никакой общности, каждый бредетъ одиноко, вздыхая; только равнодушная луна слышитъ его вздохи, и его горячія слезы падаютъ на безчувственный камень мостовой.

Тутъ поэтъ начинаетъ фантазировать, тутъ вдохновенный бардъ Уатъ Уитманъ пишетъ слѣдующіе чудесные стихи:

---

*) Перев. съ евр. оригинала. (С. Л.).

Незнакомецъ! Если, бродя
Встрѣтишь меня
И хочешь со мной заговорить,
Почему ты не заговоришь?
Почему я не заговорю? *)

Настанетъ ли когда-нибудь моментъ для такого святого, «душевнаго» разговора? Можно ли будетъ современемъ заговорить другъ съ другомъ такъ, какъ объ этомъ мечтаетъ Уитманъ, просто и серьезно? Люди вѣдь — братья, всякій человѣкъ хочетъ любить и быть любимымъ. Любвеобильный, онъ, какъ будто, говоритъ: «Приласкайся!»

Найдутъ ли выходъ изъ тупика пустыхъ формальностей? Одни плывутъ по океанамъ будущаго, предаваясь обманчивымъ мечтамъ, другіе идеализируютъ прошлое. Къ послѣднимъ принадлежитъ и Шоломъ Ашъ.

Неуютную, холодную жизнь настоящаго онъ отрицаетъ возсозданіемъ жизни отошедшей. Каждый уголокъ его «Городка» излучаетъ теплоту и любовь. Замкнутымъ дверямъ и закрытымъ ставнямъ Давида Гроссмана онъ противопоставляетъ мирный, открытый настежь, патріархальный домъ ребъ Іехезкеля Гомбинера. Какъ хорошо тамъ!

«Двери раскрыты днемъ и ночью. Въ домѣ, какъ на постояломъ дворѣ, постоянно толкутся люди. Домъ принадлежитъ ребъ Іехезкелю, но одновременно какъ-бы и всему городу. Здѣсь какое-то публичное мѣсто, куда всякій чужой заходитъ, посидѣть, и никто его не спрашиваетъ: что нужно? Здѣсь всѣ

*) Перев. съ нѣм. (С. Л.).

гости чувствуютъ себя, какъ у себя дома. Когда обывателю «Городка» случается рано, безъ чаю, выйти изъ дому, онъ прямо, съ молитвенными аксессуарами подъ мышкой отправляется къ ребъ Іехезкелю и, какъ домашній, здѣсь напивается чаю.

Много гостей бываетъ у ребъ Іехезкеля, когда къ обѣду у него подается борщъ. Зимою, въ трескучіе морозы, сюда приходятъ грѣться. Еще больше гостей здѣсь бываетъ, когда Малкеле — хозяйка — сваритъ борщъ съ чеснокомъ. Нѣтъ ничего легче, какъ получить угощеніе здѣсь: таковъ уже въ этомъ домѣ обычай. Здѣсь тарелку супу подать — что стаканъ воды. Если какой-нибудь хозяйкѣ лѣнь топить свою печь, она относитъ свой горшокъ къ Малкеле. На кухнѣ Малкеле можно найти горшки всего «Городка». А когда бабамъ случается замѣнить свои горшки — какой тамъ подымается гвалтъ! Когда паренёкъ убѣжитъ отъ гнѣва родительскаго, онъ скрывается въ конюшнѣ ребъ Іехезкеля. Горевать ему здѣсь не приходится. Хлѣбъ ржаной и булки у ребъ Іехезкеля не запираются».

II.

Элементъ борьбы и столкновеній совершенно отсутствуетъ въ «Городкѣ» Аша. Потому-то поэма эта стоитъ особнякомъ, въ сторонѣ отъ остальныхъ произведеній автора. «Городокъ» не знаетъ конфликтовъ, а если столкновеніе и случится, то непремѣнно кончается мирно, одна сторона неизмѣнно и добровольно складываетъ оружіе. Незабываема сцена встрѣчи городского раввина съ чудодѣйнымъ равви. По случаю ожидаемаго пріѣзда равви-чудотворца

надъ «Городкомъ» нависли легкія тучки раздора между паствой раввина и сторонниками «Чудодѣйнаго» равви. Кажется, вотъ-вотъ вспыхнетъ братоубійственная война партій. Но какъ бы не желая нарушить миръ и покой, Ашъ прерываетъ картину борьбы и пишетъ — я сказалъ бы: одну изъ самыхъ прекрасныхъ страницъ своей поэмы — если бъ въ ней не было многихъ такихъ страницъ, если бъ она вся, сплошь не состояла изъ подобныхъ страницъ.

Ашъ начинаетъ картиной природы, картиной лѣтняго вечера. Онъ показываетъ намъ толпу, охваченную восторгомъ: «Равви ѣдетъ, Равви ѣдетъ!»

Евреи отъ мала до велика бросаются навстрѣчу, врѣзываются въ облако пыли, несущейся передъ повозкой Цаддика. Черезъ мгновеніе показывается повозка. Въ ней сидитъ Равви въ бѣлыхъ атласныхъ одеждахъ, ярко выдѣляющихся въ черномъ морѣ бархатныхъ шапочекъ и черныхъ локоновъ толпы. Равви сѣдой старикъ, сложилъ на груди руки, глаза его устремлены къ небесамъ, на высокое чело его по временамъ набѣгаютъ морщины...

— Миръ вамъ!

Вдругъ навстрѣчу ему протянулись руки: худыя и толстыя, длинныя и короткія, блѣдныя и красныя, гладкія и волосатыя — цѣлое море рукъ въ величайшемъ хаосѣ! Одна рука неизмѣнно подымается выше другой, и всѣ онѣ пожимаются Равви.

Наконецъ очередь доходитъ до городского раввина: Ребъ Давидль стоитъ передъ Цаддикомъ съ рукой, протянутой для привѣтствія:

— Миръ вамъ!

— Съ вами миръ!.. Кто это? спрашиваетъ равви.

— Городской раввинъ.

— Городской раввинъ! Такъ!

— Я принесъ вамъ записку — говоритъ раввинъ, отдавая свидѣтельство.

Равви протягиваетъ за свидѣтельствомъ свою блѣдную руку.

— Я хочу подарить вамъ мою заслугу въ небесахъ, заслугу трикратнаго изученія всего Талмуда— заикаясь шепчетъ раввинъ послѣ нѣкотораго раздумья.

Въ толпѣ произошло движеніе.

— Къ кому ты ѣдешь?

— Ни къ кому!

— Ни къ кому? Ну, такъ ты сядешь за столъ со мною, улыбается равви.

Раввинъ остался.»

Такъ кончаются конфликты «Городка», такъ здѣсь разсѣиваются тучи междоусобицы. И замѣчательно: капитуляція одной стороны кажется совершенно естественной: раввинъ склоняетъ знамя и становится передъ противникомъ чуть ли не на колѣни... Нѣтъ здѣсь ни оскорбленнаго самолюбія, ни побѣдителей. Наоборотъ, уваженіе къ раввину растетъ. Въ его капитуляціи много красоты. Въ этотъ моментъ лицо его окружено было божественнымъ сіяніемъ, всѣ были потрясены. Ашъ объ этомъ не говоритъ. Онъ предоставляетъ читателю самому почувствовать это. Онъ лишь замѣчаетъ: «Въ толпѣ произошло движеніе».

Надо еще разъ оглянуться на ожесточенную борьбу партій, на сжатые кулаки, прессу, парла-

мент, чтобы понять всю прелестную скромность этой сцены двух противников, встрѣчающихся въ чистомъ полѣ, чтобы понять всю красоту ихъ примиренія.

Изъ сказаннаго ясно, что, хотя «Городокъ» представляетъ собою наиболѣе еврейское и самое національное произведеніе Аша, онъ заслуживаетъ занять значительное мѣсто въ европейской литературѣ. Заслуживаетъ не благодаря своимъ достоинствамъ, не благодаря той или иной проблемѣ, въ немъ затрагиваемой, а исключительно потому, что въ немъ вообще нѣтъ никакой проблемы. Назвать ли это реакціей? Романтизмомъ? Слѣдуетъ ли усматривать въ немъ грозный признакъ усталости или упадка? Какъ бы то ни было, но во всемъ мірѣ, а главнымъ образомъ въ литературѣ замѣчается нынѣ сильное тяготѣніе къ тишинѣ и покою. Поэтъ Роденбахъ былъ первымъ пѣвцомъ «Печали и покоя»... Еще не смолкла уличная борьба, но со дня на день растетъ число тѣхъ, что устремляются въ далекія дѣвственныя страны. Одинъ ищетъ убѣжища въ огромномъ храмѣ Айя-Софіи, своимъ божественнымъ покоемъ, нѣжно-печальнымъ пѣніемъ своихъ «Софт», своими остроконечными минаретами приводящемъ въ восторгъ европейца, пресыщеннаго красотой Миланскаго и Кельнскаго соборовъ. Другой ищетъ утѣшенія въ библейскихъ легендахъ. Третій громогласно клянетъ современную культуру за ея ничтожество, суля ей погибель, вѣщая человѣчеству обрѣтеніе счастія будущаго подъ небомъ Востока.

Все, что несетъ съ собою духъ древней культуры или культуры еще дѣвственной, все, что передано

не судорожнымъ языкомъ эпилептика, а спокойнымъ голосомъ мудреца отошедшихъ эпохъ, принимается жадно, какъ желанный даръ, какъ драгоцѣнность.

Такъ въ салонахъ прошлаго столѣтія послѣ бала или ожесточеннаго диспута любили поразвлечься пасторалью. Поселяне въ деревенскихъ одеждахъ, крестьянки въ вѣнкахъ и цвѣтахъ являлись въ богато-разукрашенный ярко освѣщенный салонъ, внося съ собою свѣжесть зеленыхъ луговъ и не замутненную чистоту природы. И гости въ напудренныхъ парикахъ, мудрые еретической мудростью французскихъ энциклопедистовъ, со скептической улыбкой на устахъ, со всей своей салонной культурой съ отрадой и восторгомъ любовались съ бархатныхъ креселъ своихъ безхитростной идилліей...

«Городокъ» Аша — тоже идиллія, но не пастушеская. Въ людяхъ его слишкомъ много культуры, собственной, своеобразной, слишкомъ много духовныхъ потенцій, чтобы ихъ можно было сравнивать съ героями пасторали. Здѣсь также иногда спорятъ о «началахъ и концахъ», здѣсь также нерѣдко услышишь слово Экклезіаста, но это происходитъ въ молитвенной тишинѣ, въ настроеніи Нирваны, въ настроеніи пантеизма, подернутаго печалью.

Въ моменты, когда меланхолія простираетъ надъ «Городкомъ» свои черныя крылья, обитатели его не подымаютъ воплей, не терзаютъ плоти своей ни черепкомъ, ни желѣзнымъ гребнемъ, не изрыгаютъ хулы подобно Іову.

Тоску и печаль свою они выражаютъ въ иной, болѣе оригинальной формѣ, въ тихой мелодіи „Ave Maria", такой близкой душѣ современнаго европейца.

Набожные евреи лежатъ въ полѣ на травкѣ и поютъ хоромъ:

Жалкіе жители глиняныхъ хижинъ,
Что вы такъ гордо взираете,
Мните себя достойнѣе твари?*)

III.

До сихъ поръ я разсматривалъ «Городокъ» Аша съ общей точки зрѣнія. Я указывалъ, какое мѣсто ему суждено занять во всеобщей литературѣ. Самъ по себѣ «Городокъ» — одно изъ самыхъ прекрасныхъ, наиболѣе національныхъ произведеній еврейской литературы. Для насъ евреевъ и въ особенности для еврейской интеллигенціи въ настоящій моментъ ея психологическаго состоянія «Городокъ» имѣетъ насколько крупное значеніе, что о немъ собственно слѣдовало бы еще многое сказать. Но я здѣсь ограничусь слѣдующимъ. «Городокъ» Аша — эта чудесная легенда — не только внесла много свѣта въ наше темнымъ облакомъ окутанное настоящее, но онъ также примирилъ насъ съ нашимъ прошлымъ.

Отъ прошлаго мы оторвались, мы потеряли чутье, разучились понимать его, мы смотрѣли на него глазами Смоленскаго, глазами Іегуды — Лейба Гордона и Лиліенблума. Пришелъ Шоломъ Ашъ и создалъ легенду, а въ ней больше правды и реа-

*) Перев. съ древне-евр. оригинала С. Л.

лизма нежели въ «Погребеніи осла»*) и «Грѣхахъ молодости».*) Ашъ открылъ намъ чудесныя сокровища и богатѣйшіе міры, приводящіе насъ, убогихъ пищихъ, въ трепетъ восторга.

Мы, изголодавшіеся духовно, стоимъ и смотримъ и жаждемъ царства исчезнувшей гармоніи, и рвемся въ тотъ роскошный міръ, и ищемъ нитей, связующихъ насъ съ прошлымъ.

Этой жаждой обязаны мы также и Шолому Ашу... Мы обязаны ему памятникомъ, который онъ воздвигъ жизни отошедшей эпохи: безпощадная рука времени разрушила уже и «Городокъ».

Осталась лишь одна прекрасная легенда. Художникъ вырвалъ «Городокъ» изъ потока забвенія.

---

*) Произв. древне-евр. писателя П. Смоленскаго. (С. Л.)

6.

Д. БЕРГЕЛЬСОНЪ.

Д. БЕРГЕЛЬСОНЪ.

Серьезный изслѣдователь еврейской литературы не сможетъ не пройти мимо одного очень страннаго явленія; за очень рѣдкими исключеніями еврейская литература до самаго послѣдняго времени была литературой коллектива. Изъ этой коллективной рамы не выдѣляется отдѣльный человѣкъ, герой, чтобы отдѣльно за себя говорить, чтобы въ своей оторванности, отдѣльности отъ «городка», предстать передъ нами во всей сложности душевнаго пейзажа. Еврейская жизнь сложнѣе, богаче, трагичнѣе еврейской литературы. Въ то время, какъ еврей бродитъ по земному шару, охваченный томленіемъ и исканіемъ и развиваетъ свою дѣятельность на самыхъ отдаленыхъ берегахъ самыхъ отдаленныхъ странъ, еврейская литература все еще не вышла изъ пеленокъ мѣстечковой идилліи и реалистическаго изображенія быта. Значитъ она не могла еще выполнить своей большой настоящей роли, значитъ, несмотря на цѣлый рядъ рѣдкихъ шедевровъ, она все еще не вышла изъ стадіи примитивности. Самый геніальный изобразитель быта никогда не взволну-

отъ насъ, никогда не поведетъ насъ за собой, какъ это сдѣлаетъ писатель, поставившій надъ бытомъ или въ центрѣ его отдѣльную фигуру героя, отъ котораго мы должны многое важное, самое важное узнать и усвоить. «Записки Охотника», конечно, шедевръ, но для цѣлаго поколѣнія русской интеллигенціи Тургеневъ былъ дорогъ и значителенъ, какъ изобразитель идейныхъ настроеній и переживаній русскаго общества шестидесятыхъ годовъ и если съ теченіемъ времени потускнѣетъ ароматъ Тургеневскаго ландшафта и бытописанія, то герои его въ памяти нашей остались. Вся русская литература состоитъ собственно изъ именъ отдѣльныхъ такихъ героевъ и въ нихъ то и скрыто все ея огромное всемірное значеніе. Чацкій, Онѣгинъ, Рудинъ, Базаровъ, Волоховъ, Карамазовы, вотъ имена, при одномъ упоминаніи которыхъ чувствуется творчество великаго народа. Уже знаешь, что дала міру исторія русской души, т. е. подлинная исторія русскаго народа, ибо подлинной исторіей слѣдуетъ считать не перечень событій, а исторію идей. Не на точныхъ изображеніяхъ быта учились мы мыслить, думать, а на переживаніяхъ великихъ неудачниковъ, людей одинокихъ, выключившихъ себя изъ коллектива, выброшенныхъ изъ бытовыхъ долинъ. Мы всѣ знаемъ, какъ геніально у Толстого его описаніе охоты въ «Войнѣ и Миръ»; но формировать нашу душу, обогащать ее, помочь намъ въ минуты душевной жажды, такое описаніе не можетъ и «Саламбо» Флобера также не въ состояніи этого сдѣлать. Зато Роллановскій Жанъ-Христофъ, несмотря на многіе дефекты въ художественномъ отношеніи открываетъ для насъ источникъ большихъ душевныхъ дви-

женій. Радостно слѣдитъ, какъ значительный геніальный человѣкъ шествуетъ по нашему міру, какъ онъ падаетъ и снова поднимается, какъ пораженія, побѣды, страданія и счастье завершаются гармоніей духа. При этомъ зарисованный, конечно, бытъ дала Франція въ чрезвычайно интересной манерѣ ея духовнаго кризиса. Изображено огромное количество людей, но всегда, всегда видимо герой, онъ, Жанъ-Христофъ, геній.

Говорю это для того, чтобы лучше иллюстрировать и закрѣпить мою тезу о еще примитивномъ характерѣ еврейской литературы, поскольку она представлена въ одномъ только изображеніи быта и не въ состояніи волновать и восхищать насъ Одиссеей еврейской души. Почему эта исключительная влюбленность въ бытъ? Причинъ очень много. Укажу мимоходомъ на одну. Это особая одухотворенность еврейскаго быта. Міръ трогательный, сентиментальный, безкровный, безматеріальный. Міръ блѣдныхъ лавочниковъ, «воздушныхъ людей», патріархальныхъ физіономій. Базарный шумъ облагораживается вдругъ глубокимъ вздохомъ, вздохомъ аристократическимъ, традиціоннымъ. Вотъ это то и удивительно, что еврейскій мѣстечковый торгашъ вздыхаетъ точно такъ же, какъ еврейскіе гранды въ Испаніи, какъ Абрабаневъ и Іегуда Галеви. Фламандскіе бытовые писатели разсказываютъ намъ о красочныхъ, шумныхъ ярмаркахъ, со всѣми оргіями обжорства, дракъ, шумнаго веселья. Ихъ бытъ это — охота, сады, урожай, пѣсни, свадьбы, звонкіе поцѣлуи. Еврейскій же бытъ блѣденъ красками, но богатъ вздохами, заботами о завтрашнемъ днѣ, тро-

гательномъ умѣніемъ изворачиваться. Надъ всѣмъ однако паритъ какая-то духовность. Не эта ли именно духовность влекла Рембрандта въ Амстердамскій еврейскій кварталъ, влекла до такой степени, что въ альбомъ своихъ экскизовъ онъ заносилъ охотнѣе всего еврейскія лица, а потомъ создавалъ свои шедевры. Матеріальность голландцевъ гнала тревожный духъ Рембрандта къ еврейскимъ выходцамъ изъ Испаніи и Португаліи. Эти торговцы камнями, дорогими тканями, мѣнялы, раввины фанатики (отлучавшіе Уріель да Коста, Спинозу) и раввины мечтатели, плѣняли великаго художника тѣмъ, что ихъ патріархальныя лица отражали внутренній, духовный міръ незатронутый, незагрязненный повседневностью, а то откуда эти удивительныя лица, откуда эти благородныя линіи, откуда выраженіе затаенной скорби и вмѣстѣ съ тѣмъ надежды, откуда эта святость отдѣльныхъ воспоминаній? Всѣ эти евреи, зарисованные Рембрандтомъ не вслушиваются ли они, даже во время отсчитыванія дукатовъ, въ какой то голосъ издали? Не гости ли они на этихъ Амстердамскихъ биржахъ? Надъ міромъ матеріальнымъ есть еще другой духовный міръ. Это и есть то, что отличаетъ еврейскій кварталъ въ Амстердамѣ или Антверпенѣ отъ Голландской или Фламандской ярмарки. Это и есть то, что отличаетъ вообще еврейскій бытъ и придаетъ ему какую то болѣзненную привлекательность. Въ ней я хотѣлъ бы видѣть одну изъ причинъ, почему еврейскій писатель все еще не въ состояніи эмансипироваться отъ изображенія быта.

Я не настаиваю, впрочемъ, на непремѣнной правильности выставленнаго мною предположенія. Без-

условно однако, что существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ причинъ, разсматриваніе которыхъ завело бы меня слишкомъ далеко. Ограничимся констатированіемъ факта, что въ еврейской литературѣ доминировалъ коллективъ, бытъ, а отдѣльный человѣкъ, герой былъ оставленъ безъ вниманія. Не разсказана была исторія еврейской индивидуальности за послѣдніе тридцать, сорокъ лѣтъ, не отраженъ въ еврейской литературѣ міръ еврея-сіониста, еврея-революціонера, еврея-толстовца. Гдѣ они всѣ эти еврейскіе студенты въ Бернѣ, Льежѣ, Парижѣ? Почему мы не слышимъ ихъ горячіе диспуты? Гдѣ повѣсть ихъ надеждъ, упованій, страстныхъ порывовъ и неизбѣжныхъ въ жизни разочарованій, горестей и безнадежностей? Гдѣ новая еврейская женщина, гдѣ очаровательныя, въ печальной задумчивости склоненныя еврейскія дѣвочки? Гдѣ мечтатель, фантазеръ-неудачникъ, богоискатель, пессимистъ? Задавать всѣ эти вопросы, не значитъ ли это просто спрашивать: гдѣ психологическій романъ, психологическая новелла въ еврейской литературѣ?

Въ сколько нибудь исчерпывающемъ, значительномъ смыслѣ психологическаго романа, психологической новеллы еще нѣтъ и помину. Говорить можно только о тенденціи эмансипироваться отъ быта и заняться внутреннимъ міромъ еврейскаго человѣка. Файербергъ, Гнессинъ, Онейхи, Намоергъ, Бергельсонъ, вотъ тѣ писатели, которые пошли по пути психологическаго анализа, которые вслушивались въ шопотъ встревоженной и одинокой еврейской души. Въ настоящемъ очеркѣ рѣчь будетъ только о Бергельсонѣ. Файербергъ и Гнессинъ рано умерли,

неуспѣвъ развить всѣ большія возможности, заложенныя въ ихъ дарованіяхъ. Онейхи вообще слабый талантъ и его значеніе, пожалуй, въ томъ, что онъ старался обратить вниманіе на страданія своихъ героевъ. Но, такъ какъ онъ нѣмой, такъ какъ выявить и сказать ему ничего не дано, то всѣ его разсказы — отчаянный вопль нѣмого о помощи... У Онейхи есть чутье но Герольдомъ, повѣствователемъ разочарованныхъ душъ онъ быть не можетъ, ибо его рокъ: безсиліе.

Номбергъ, авторъ многихъ нѣжныхъ новеллъ, нѣкоторые изъ нихъ («Флигельманъ», «Среди горъ») принято считать важнымъ достояніемъ еврейской литературы, но Номбергъ, безусловно тонкій умъ и одинъ изъ самыхъ интеллигентныхъ еврейскихъ писателей, ушелъ весь въ журналистику и не хотѣлъ больше заниматься своими надломленными героями. Бергельсонъ одинъ въ теченіе своего тринадцатилѣтняго творчества шелъ опредѣленно и все болѣе увѣренно по пути психологическаго романа и разсказа, и мы попытаемся выяснить каковы были его достиженія въ этомъ смыслѣ, въ чемъ его сила и въ чемъ его слабость.

II.

«У вокзала» называется первая книга Бергельсона, и ея появленіе тринадцать лѣтъ тому назадъ, обратило на себя вниманіе всей еврейской критики и всѣмъ было радостно констатировать, что еврейская литература не только, повидимому, обогатилась

новымъ дарованіемъ, новой надеждой, но то, что этотъ новый воспринимаетъ еврейскій міръ особымъ образомъ, что у него какой-то другой подходъ къ жизни, другія манеры изображенія, отличающія это отъ всѣхъ предшественниковъ. На первый взглядъ, будто бы новый варіантъ той же единой темы: еврейскій бытъ. Мы опять видимъ маклеровъ, хлѣботорговцевъ, всевозможныхъ разновидностей людей, висящихъ на воздухѣ, не знающихъ, что имъ завтрашній день принесетъ и находящихся въ смѣшливомъ недоумѣніи по поводу того, какъ это имъ удалось выкрутиться вчера. Цѣлый рядъ безпочвенныхъ торговцевъ проходитъ передъ нами. Опять значитъ изображеніе мѣстечковаго быта? Однако, обращали вниманіе на то, что бытъ лишенъ всѣхъ аксессуаровъ идилліи, скрашивающихъ нездоровое, неувѣренное существованіе. Не мѣстечко съ еврейскими улицами, синагогами, хедеромъ, а вокзалъ. Красный вокзалъ среди полей. Мѣстечко гдѣ то дальше. Мы видимъ евреевъ «У вокзала», хлѣбныхъ маклеровъ, владѣльца керосиннаго склада. Они живутъ здѣсь у станціи желѣзной дороги, и дни и годы проходятъ въ тинѣ циничныхъ анекдотовъ, безпросвѣтной скуки, никому ненужной дѣловитости. Прибытіе поѣзда — единственная сенсація, развлеченіе, отвлеченіе, единственная связь съ остальнымъ міромъ, намекъ на то другое, болѣе значительное и важное. Поѣздъ уходитъ и съ нимъ напоминаніе, что гдѣ то существуютъ большіе города, университеты, театры, студенты. Красныя стѣны вокзала обдуваются вѣтромъ полей, голыя стѣны, такія же оголенныя души у обитателей вокзала. «Только красивые города рождаютъ красивыя души» говоритъ кто-то у Ро-

денбаха. Мѣстечко имѣетъ еще свою красоту, имѣетъ еще свое очарованіе печали, но этотъ вокзалъ, эта случайность изъ краснаго кирпича... Что здѣсь душѣ человѣческой дѣлать? Какъ она должна увядать среди нудной болтовни, мелкой, но страшной жестокости, дешеваго деревенскаго флирта. И если мечется близко, совсѣмъ рядомъ одинокая тоскующая душа, то напрасна ея надежда на вниманіе, на откликъ. Большой грустью вѣетъ отъ этой книги и оттого, что грусть эта не одѣвается въ кричащія одежды, — впечатлѣніе отъ этого еще сильнѣе. Въ концѣ концовъ начинаетъ казаться, что поднята завѣса надъ жизнью и что послѣдній итогъ всегда: одиночество. На грустныя мысли объ этомъ наводитъ главная фигура Бергельсоновской книги, Бейнешъ Рубинштейнъ. Въ противоположность веселымъ неудачникамъ Шоломъ-Алейхема, Бейнешъ Рубинштейнъ, неудачникъ мрачный, печальный, ибо причина его неудачъ глубокая, особая. Какъ это ни странно покажется на первый взглядъ, но онъ принадлежитъ къ той же разновидности типовъ, великимъ вдохновленнымъ представителемъ которой является — Гамлетъ. Ихъ объединяетъ прежде всего неприспособленность къ жизни, къ той жизни, главной, жестокой причиной которой — является борьба. А бороться, толкаться Бейнешъ Рубинштейнъ не можетъ, ибо какимъ то образомъ въ душѣ его горитъ другой, высшій огонь. Вся торговая вокзальная атмосфера ему чужда. Въ то время, когда всѣ спѣшатъ, толкаются, шумно и глупо дѣйствуютъ, онъ стоитъ на перронѣ вокзала погруженный въ меланхолическую думу свою и кусаетъ ногти. Онъ безконечно выше окружающей среды. Имѣетъ

свое «вчера» въ то время, когда всѣ остальные — люди ничтожнаго «сегодня». Онъ происходитъ изъ хорошей семьи, учился чему-то и слабость къ размышленіямъ парализуетъ его волю. Онъ своеобразный философъ, пасельвистъ, не проявляющій собственной воли. Не равносильно ли также утвержденіе того, что онъ «лишній человѣкъ» не во временно-соціологическомъ, а въ высшемъ психологическомъ смыслѣ, человѣкъ, отравленный безсознательной тоской по тому высшему міру, главнымъ элементомъ котораго не должна будетъ быть непремѣнно: борьба.

Это безусловно такъ, хотя Бейнешъ Рубинштейнъ, самъ удивился бы, если бы ему сказали, что онъ родственникъ Гамлета. Онъ знаетъ только, что какимъ то образомъ, онъ неприспособленъ къ этой жизни, что дѣла его очень плохо идутъ, что онъ ненавидитъ всей безпомощной душой своей всѣхъ этихъ вокзальныхъ людей съ ихъ шумомъ и анекдотами. Да и жену свою, которая живетъ въ мѣстечкѣ, онъ, кажется, тоже не любитъ. Словомъ основаній достаточно, чтобы стоять на перронѣ и кусать ногти въ меланхолической задумчивости...

Собственно говоря, основнымъ мотивомъ книги и является эта глухая борьба между Бейнешемъ Рубинштейномъ и другими обитателями вокзальнаго поселка, если вообще можно назвать борьбой героическое перенесеніе Бейнешемъ всѣхъ насмѣшекъ и уколовъ самолюбія, которыми его награждаютъ. Случилось однажды, что и его терпѣніе не выдержало, и тогда на перронѣ вокзала произошло что-то невѣроятное, чудовищное по своей неожиданности и внезапности. Рука Бейнеша Рубинштейна поднялась

и съ крикомъ: «А» нанесла ударъ по щекѣ самому сильному противнику Бейнеша. Но это усиліе воли было послѣднимъ, за нимъ неудачное покушеніе на самоубійство и полная резигнація. Онъ будетъ и дальше стоять на перронѣ вокзала, обдумывая безсмысленность своей жизни, и мелкую жестокость его болѣе удалыхъ сосѣдей.

И чтобы еще больше было музыкальности въ печальной элегіи, каковой является книга Бергельсона, проходитъ передъ нами нѣжно-очерченный образъ грустной, одинокой, замужней женщины, непонятой и всегда обиженной ничтожностью и душевной мелкостью своего мужа — торговца.

Значительный, тихій и говорящій афористическими намеками учитель дастъ возможность вспоминать, что гдѣ-то еще есть болѣе интересный, имѣющій, быть можетъ, право на существованіе міръ. Какъ учитель такъ и скорбная женщина, являются единственными людьми, оцѣнивающими Бейнеша Рубинштейна по иному. Они сопровождаютъ его нѣмой симпатіей. И, когда на перронѣ вокзала раздается звукъ пощечины, какъ протестъ противъ недостойной жизни недостойныхъ людей, то это былъ протестъ и отъ имени оскорбленнаго міра ихъ душъ.

Она могла быть жуткой книгой, эта книга Бергельсона, но что-то недоговоренное, какая-то душевная мимика и очаровательная нѣмота сдѣлали повѣсть «У вокзала» только грустной книгой. Она словно напоминаетъ романъ Бермана Банга «У дороги». Манера же письма совершенно Гамсуновская. Не слѣпое подражаніе однако, ибо этотъ Гамсуновскій стиль акклиматизировался у Бергельсона, и

впечатлѣніе такое, что даже представить не можешь себѣ, какъ бы это онъ могъ другимъ стилемъ писать. Я ничего другого не хочу сказать кромѣ того, что этотъ стиль есть результатъ какой-то внутренней необходимости. Душа значитъ поэтъ по Гамсуновски. Самое большое, о чемъ можно говорить, это о вліяніи Гамсуна.

Во всякомъ случаѣ, имя Бергельсона пріобрѣло въ еврейской литературѣ извѣстное значеніе и было окружено надеждой. Своими другими послѣдующими работами онъ этихъ надеждъ не обманулъ.

III.

Но онъ ихъ и не оправдалъ въ той большой, радостной степени, которая дала бы право говорить не только о новомъ тонѣ, не только о намекѣ на что-то новое въ еврейской литературѣ. Это особенно чувствуется въ его третьемъ, а пока послѣднемъ романѣ «Уходъ», гдѣ его манера намекать, не договаривать, воспринимается уже не какъ своеобразное умѣніе конструировать силы и въ маломъ многое сказать, а наоборотъ, какъ признакъ безсилія, какъ стилизированное капитулированіе передъ сложностью темы, какъ талантливое умѣнье постепенно прикрыть отступленіе. Между первымъ и третьимъ романомъ лежитъ однако второй романъ «Noch allemen», упрочивающій репутацію Бергельсона, какъ виднаго писателя. Это въ общемъ лѣтопись встревоженной, мечущейся, тоскующей женской души на фонѣ еврей-

ской провинціальной жизни. Еврейская мадамъ Бовари? Это возможно будетъ, конечно, только при наличности еврейскаго Флобера. Однако романъ производитъ впечатлѣніе. Мирсле — имя главной героини — принадлежитъ къ тѣмъ типамъ людей, которые какъ будто сами опредѣленно не знаютъ, что они хотятъ и таково мнѣніе о нихъ окружающихъ людей, но на самомъ дѣлѣ, они хотятъ только и только болѣе осмысленной, болѣе красивой жизни, они хотятъ жить среди болѣе значительныхъ по своему внутреннему богатству людей. Поклонники и сильно влюбленные страдаютъ много отъ капризовъ Мирсле, получается впечатлѣніе, что всѣ у нея подъ башмакомъ, что она властвуетъ надъ всѣми, но всѣ ея побѣды мнимы, обманчивы. Ну да, она вымучиваетъ скромнаго студента Липекера, пугаетъ всевозможными неожиданностями Воле Бургеса. Этотъ полухуторянинъ, полукупецъ мчится къ себѣ на заводъ, чтобы тамъ въ одиночествѣ думать и думать объ этой загадочной и удивительной Мирсле. Ну да, она дѣйствительно властвуетъ надъ сердцами, но, какъ уже сказано, ея побѣда нисколько не въ состояніи сдѣлать изъ нея хотя бы на короткое время счастливой Мирсле. Въ этомъ то и дѣло, что, когда всѣ страдающіе отъ Мирсле уже забудутъ объ этихъ страданіяхъ и предадутся торговлѣ, учительству, она все еще будетъ страдать и не находить мѣста своей измученной душѣ. Затѣмъ эта будто бы сильная женщина не можетъ пересилить чувства жалости и въ важномъ уступаетъ. Ея отецъ, разслабленный старикъ, когда то богатый, ворочавшій большими дѣлами, почти разоренъ и къ тому же страдаетъ астмой. А Мирсле по его отцовскимъ понятіямъ не

пристроена. А вѣдь она могла бы пристроиться и его старые годы скрасить. О, какъ многое въ его критическомъ матеріальномъ положеніи могло бы исправиться, если бы Мирсле вышла замужъ за... за... ну, все равно, за одного изъ людей, у которыхъ много денегъ и съ которыми у Мирсле ничего общаго быть не можетъ. И Мирсле выходитъ за такого безобиднаго, богатаго человѣка замужъ. Свое согласіе на это она даетъ, когда однажды застаетъ своего отца въ особенно омраченномъ состояніи духа; она видитъ этого дряхлаго старика, видитъ его наполненные слезами глаза и говоритъ тогда: да, да, надо непремѣнно туда писать, чтобы пріѣхали на помолвку. Потрясающе дѣйствуетъ эта сцена.

Потомъ жизнь Мирсле въ большомъ городѣ съ нелюбимымъ, но честнымъ мужемъ, котораго она жалѣетъ. Однажды она проситъ у него прощенія за причиненныя страданія. Это правда, всѣ кругомъ испытываютъ красивыя для такихъ маленькихъ людей страданія отъ капризовъ Мирсле, но кто все-таки окончательно надломленъ, кто до послѣднихъ предѣловъ несчастенъ? Конечно, она — Мирсле. И уходитъ она, неизвѣстно куда, только потому, что до послѣднихъ предѣловъ несчастна. Когда студентъ Липекеръ является въ гостиницу, гдѣ послѣдній разъ видѣлъ Мирсле, чтобы разспросить и узнать про нее, онъ, шагая по своей комнатѣ, говоритъ самъ себѣ: «Я на нее не сердитъ, я совершенно не сержусь на Мирсле.» Хромая нога Липекера, кстати, выпрямилась и мы знаемъ, что выпрямлены будутъ также и всѣ душевныя хромоты, залѣчатся всѣ душевныя раны. Только Мирсле, гдѣ

то, неизвѣстно гдѣ, живетъ со своею большою скорбью.

Безнадежностью, глубокой печалью вѣетъ отъ этого романа, нѣмого романа. Люди не говорятъ, а намекаютъ, часто они произносятъ слова такъ себѣ, безъ особой необходимости и безъ особаго смысла, по такимъ тономъ, что это служитъ какъ бы декоративнымъ дополненіемъ къ картинѣ и способствуетъ подчеркиванію, усиленію впечатлѣнія. Сложные душевные конфликты постепенно наростающіе разыгрываются, какъ пантомима. Что мѣшаетъ героямъ Бергельсона когда нибудь, если не въ обществѣ, то хотя бы съ другомъ потолковать по душѣ, ну высказаться, какъ это любили и понынѣ любятъ евреи, особенно интеллигенты? Надо признать, что часто эти разговоры въ дѣйствительной жизни весьма интересны. Только у Бергельсона они молчатъ. И, если это такъ — а въ этомъ нельзя сомнѣваться — то тогда это молчаніе недобровольное. Оно маскируетъ какой-то органическій дефектъ творчества, какое-то неумѣніе писателя. Въ романѣ „Noch allemen“ дефектъ этотъ не ослабляетъ впечатлѣніе, во первыхъ потому, что Бергельсонъ съ значительной виртуозностью умѣетъ распредѣлять намеки такъ, что получается интересный психологическій рисунокъ. Затѣмъ онъ подробно, длинно намекаетъ. Стенографическіе знаки души, мимика такъ часто повторяются, что нужный міръ событій и чувствъ вырисовывается, выявляется. Далѣе, не надо забывать, что центральная фигура этого романа — женщина, Мирсле. Женщина оберегаетъ свои плечи шалью или станетъ у окна, у рояля, какъ-то по особенному наклонитъ голову или просто обведетъ мед-

леннымъ взглядомъ комнату, веранду, садъ и этого вполнѣ достаточно, чтобы представить себѣ ходъ ея душевныхъ переживаній. Мы привыкли уже къ этимъ ея способамъ выражаться. Бергельсонъ хотѣлъ заинтересовать насъ судьбой женщины, не находящей себѣ мѣста въ окружающей ее обстановкѣ. Это ему удалось. Собственно мы только этой судьбой единственно и заинтересованы. Экскурсіи въ область еврейскаго быта, находящагося въ періодѣ упадка, въ данномъ случаѣ насъ мало занимаютъ, ибо новизна Бергельсона, должна вѣдь состоять въ томъ, чтобы разсказать намъ исторію отдѣльной еврейской личности. Исторію Мирсле ему удалось намъ повѣдать, но исторію еврейскаго разочарованнаго интеллигента, до того растерянаго, подавленнаго, что онъ вынужденъ былъ найти выходъ въ самоубійствѣ, Бергельсонъ не въ силѣ былъ разсказать и тутъ его мастерство намекать, стенографировать душевныя переживанія, не могло уже сыграть той роли, какую оно играло въ другихъ его произведеніяхъ.

«Уходъ», называется третій романъ. Уходитъ отъ жизни содержатель аптекарскаго магазина Мелахъ. Открытіе магазина, какъ вообще переселеніе въ маленькій уѣздный городъ, былъ уже послѣдній этапъ на его жизненномъ пути. Рѣшеніе уходить назрѣло уже раньше тамъ, въ этомъ большомъ университетскомъ городѣ и другихъ городахъ. И назрѣло это рѣшеніе вѣроятно послѣ тяжело прожитой тамъ жизни, послѣ тяжелыхъ и горькихъ передуманныхъ тамъ думъ. Если не въ этомъ случаѣ, то когда же будетъ у автора психологическаго ро-

мана заглянуть въ душу своего героя и повѣдать намъ, что онъ тамъ увидѣлъ, черезъ какія пропасти сомнѣній ему пришлось перешагнуть. «Уходъ» будетъ необходимымъ, логическимъ концомъ всѣхъ размышленій надъ жизнью Мелаха. Но мы не повѣримъ, не будемъ потрясены его «уходомъ», если мы не приглашены быть свидѣтелями его размышленій, т. е. если передъ нами не будетъ развернута его жизнь, если его значительные діалоги не выразятъ намъ его тяготу и борьбу съ жизнью. Всякій психологическій романъ есть въ концѣ концовъ философскій романъ, гдѣ герой такъ или иначе высказывается. О томъ, что это высказываніе, эти разговоры представляютъ собой самое захватывающее, излишне, конечно, напоминать. То, что выболтали въ душевномъ пароксизмѣ герои Достоевскаго, составляетъ самый драгоцѣнный кладъ русской и европейской литературы. Неправда, что человѣку и еврею, Мелаху, нечего было сказать, неправда, что онъ молчалъ. Онъ, вѣроятно, ночи цѣлыя проводилъ въ страстной бесѣдѣ о смыслѣ и цѣли жизни. Мелахъ «уходитъ» вѣдь, какъ философъ, Мелахъ несомнѣнно проблематическій человѣкъ. Что сдѣлалъ Бергельсонъ со своимъ героемъ? Онъ лишилъ его слова, самымъ неожиданнымъ и самымъ ловкимъ образомъ. Романъ начинается описаніемъ... похоронъ Мелаха. Все то малое, что мы о немъ узнаемъ, это только изъ разговоровъ, намековъ о немъ его друга и знакомыхъ. Отстраняя бытовыя картинки и цѣлый рядъ фигуръ неинтересныхъ (потому что они не новы или представляютъ новыя копіи уже знакомыхъ намъ оригиналовъ изъ другихъ его книгъ), весь романъ есть топтанье вокругъ имени Мелаха.

Я не отрицаю, что въ этомъ топтаньи есть ритмъ, есть настроеніе, но на этотъ разъ это мало удовлетворяетъ. Дѣло шло о чемъ то большомъ, значительномъ. Мы приготовились слушать исторію еврейскаго одинокого человѣка, а передъ нами прошла только пантомимная игра.

Содержаніе.

Стр.

1. Менделе 3
2. Перецъ, І. Л. 25
3. Шоломъ-Алейхемъ 41
4. Яковъ Динезонъ 59
5. Шоломъ Ашъ 69
6. Д. Бергельсонъ 87

Русское Универсальное Издательство

Берлинъ W 30, Мартинъ-Лютерштрассе 96.

„Всемірный Пантеонъ"

ПАМЯТНИКИ МІРОВОИ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 1—2. **Шекспиръ.** Гамлетъ.
№ 3—4. **Гете.** Фаустъ.
№ 5. **Гейне.** Изъ „Книги Пѣсенъ".
№ 6—7. **Диккенсъ.** Гимнъ Рождеству.
№ 8—9. **Додэ.** Тартаренъ изъ Тараскона.
№ 10. **Козьма Прутковъ.** Избранныя сочиненія. (2-ое изданіе).
№ 11. **Шекспиръ.** Макбетъ.
№ 12-13. **Изъ новѣйшей нѣмецкой лирики.** (2-ое изданіе).
№ 14. **Поэ.** Убійство въ улицѣ Моргъ.
№ 17-18. **Диккенсъ.** Сверчокъ на печи.
№ 19. **Г. фонъ Гофмансталь.** Смерть Тиціана.
№ 20. **Французская лирика.**
№ 21-22. **Боккачіо.** Декамеронъ.
№ 24-25. **Еврейскій сборникъ.** (Ш. Ашъ, А. Перецъ, Х. Бяликъ, Тайтшъ, Ш. Алейхемъ).
№ 26-27. **Данте.** Адъ.
№ 28-30. **Ѳ. М. Достоевскій.** Бѣдные люди
№ 33-36. **Бальзакъ.** Шагреневая кожа.
№ 37-39. **Эротика въ русской поэзіи.** Сборникъ стиховъ.

„ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА“

Новое въ наукѣ, искусствѣ и соціальной жизни.

№ 1. **Проф. С. Абрамовъ.** Проблема омоложенія по Штейнаху. (2-ое изданіе).
№ 3. **М. Смоленскій.** Троцкій. (2-ое изданіе).
№ 4. **Б. Дюшенъ.** Теорія относительности Эйнштейна. (2 изд.)
№ 5. **В. Сольскій.** Крестная ноша.
№ 6. **Д-ръ А. Колодный.** Новое въ медицинѣ.
№ 7. **В. Зензиновъ.** Русское Устье.
№ 8. **Проф. Д. Пестржецкій.** Русская промышленность послѣ революціи.
№ 9. **Д-ръ В. Лызловъ.** Здоровая и больная личность. (2-ое изданіе).
№ 10. **Б. Яковенко.** Философія большевизма. (2-ое изданіе).
№ 11. **Проф. С. Абрамовъ.** Современное ученіе объ иммунитетѣ.
№ 12. **Владимиръ Сольскій.** Ленинъ.
№ 13-14. **К. Каутскій.** Соціализація сельскаго хозяйства. Съ пред. авт. къ русск. изд.
№ 15. **Б. Дюшенъ.** Окраинныя государства.
№ 16-16b. **И. Василевскій (Не-Буква).** Николай II.
№ 17. **Пр.-д. Б Соколовъ.** Наука въ Сов. Россіи.
№ 19. **Проф. Д. Пестржецкій.** Рабочій вопросъ въ Сов. Россіи.
№ 20. **Б Яковенко.** Очерки американской философіи.
№ 21-23. **С. Маковскій.** Послѣдніе итоги живописи.
№ 24. **Б. Фонъ-Паленъ.** Новѣйшія достиженія астрономіи.
№ 27-27a. **И. Василевскій (Не-Буква).** Витте и его мемуары.
№ 28-29. **И. Степановъ.** Психологія сновидѣній.
№ 30. **М. Слонимъ.** Предтечи русскаго большевизма.
№ 34-35. **Б. Яковенко.** Очерки русской философіи.
№ 41-42. **Проф. В. Тотоміанцъ.** Сущность и положеніе современной кооперації.
№ 43-44. **Ш. Горѣликъ.** Силуэты еврейскихъ писателей.
№ 45-46. **В. Гольденбергъ.** Антропософское ученіе и его пророкъ.
№ 47. **Прив.-д С. І. Карцевскій.** Языкъ, война и революція.
№ 48-49. **В. Станкевичъ.** Россія и Германія.
№ 50. **Д-ръ мед. М Маргулісъ.** Бичъ человѣчества. (Сифилисъ и его лѣченіе.)
№ 51. **Викторъ Шкловскій.** Литература и кинематографъ.

Russischer Universal-Verlag G. m. b. H.
Berlin W. 30, Martin-Lutherstr. 96.

Русское Универсальное Издательство
Берлинъ W 30, Мартинъ-Лютерштрассе 96.

„Зеленая Библіотека“

Современная литература

№ 1—2. **А. Амфитеатровъ.** Мечта.

№ 3 **Ф. Жаммъ.** Исторія дѣвушки былыхъ временъ. Авторъ. переводъ съ франц. И. Эренбурга.

№ 4—7. **Джэкъ Лондонъ.** Мартинъ Идэнъ. Ч. I.

№ 8. **Г. Мопассанъ.** Весной. Разсказы.

№ 9—12. **Джэкъ Лондонъ.** Мартинъ Идэнъ. Ч. II.

№ 13—14. **В. И. Немировичъ Данченко.** Папочка съ улицы.

№ 15—19. **А. Стриндбергъ.** Исповѣдь глупца. Переводъ Мих. Кадишъ.

№ 20—21. **С. Л. Поляковъ - Литовцевъ.** Саббатай Цеви. Повѣсть изъ эпохи мессіанск. движеній.

P
CARDS
CKET
UNIVE
RARY
a Russian. Se-
skikh pisatelei

PJ
5121
G6517
1923
c.1
ROBA

„ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА“

Новое въ наукѣ, искусствѣ и соціальной жизни.

№ 1. **Проф. С. Абрамовъ.** Проблема омоложенія по Штейнаху. (2-ое изданіе).
№ 3. **М. Смоленскій.** Троцкій. (2-ое изданіе).
№ 4. **Б. Дюшенъ.** Теорія относительности Эйнштейна. (2 изд.)
№ 5. **В. Сольскій.** Крестная ноша.
№ 6. **Д-ръ А. Колодный.** Новое въ медицинѣ.
№ 7. **В. Зензиновъ.** Русское Устье.
№ 8. **Проф. Д. Пестржецкій.** Русская промышленность послѣ революціи.
№ 9. **Д-ръ В. Лызловъ.** Здоровая и больная личность. (2-ое изданіе).
№ 10. **Б. Яковенко.** Философія большевизма. (2-ое изданіе).
№ 11. **Проф. С. Абрамовъ.** Современное ученіе объ иммунитетѣ.
№ 12. **Владимиръ Сольскій.** Ленинъ.
№ 13-14. **К. Каутскій.** Соціализація сельскаго хозяйства. Съ пред. авт. къ русск. изд.
№ 15. **Б. Дюшенъ.** Окраинныя государства.
№ 16-16b. **И. Василевскій (Не-Буква).** Николай II.
№ 17. **Пр.-д. Б. Соколовъ.** Наука въ Сов. Россіи.
№ 19. **Проф. Д. Пестржецкій.** Рабочій вопросъ въ Сов. Россіи.
№ 20. **Б. Яковенко.** Очерки американской философіи.
№ 21-23. **С. Маковскій.** Послѣдніе итоги живописи.
№ 24. **Б. Фонъ-Паленъ.** Новѣйшія достиженія астрономіи.
№ 27-27a. **И. Василевскій (Не-Буква).** Витте и его мемуары.
№ 28-29. **И. Степановъ.** Психологія сновидѣній.
№ 30. **М. Слонимъ.** Предтечи русскаго большевизма.
№ 34-35. **Б. Яковенко.** Очерки русской философіи.
№ 41-42. **Проф. В. Тотоміанцъ.** Сущность и положеніе современной коопераціи.
№ 43-44. **Ш. Горѣликъ.** Силуэты еврейскихъ писателей.
№ 45-46. **В. Гольденбергъ.** Антропософское ученіе и его пророкъ.
№ 47. **Прив.-д. С. І. Карцевскій.** Языкъ, война и революція.
№ 48-49. **В. Станкевичъ.** Россія и Германія.
№ 50. **Д-ръ мед. М. Маргуліесъ.** Бичъ человѣчества. (Сифилисъ и его лѣченіе.)
№ 51. **Викторъ Шкловскій.** Литература и кинематографъ.

Russischer Universal-Verlag G. m. b. H.
Berlin W. 30, Martin-Lutherstr. 96.

6117

Русское Универсальное Издательство
Берлинъ W 30, Мартинъ-Лютер

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 30 22 03 005 0

„Зеленая Библіот

Современная литерату

№ 1—2. **А. Амфитеатровъ.** М

№ 3 **Ф. Жаммъ.** Исторія д
былыхъ временъ.
переводъ съ франц. И.
Эренбурга.

№ 4—7. **Джэкъ Лондонъ.** Мартинъ Идэнъ. Ч. I.

№ 8. **Г. Мопассанъ.** Весной. Разсказы.

№ 9—12. **Джэкъ Лондонъ.** Мартинъ Идэнъ. Ч. II.

№ 13—14. **В. И. Немировичъ Данченко.** Папочка съ улицы.

№ 15—19. **А. Стриндбергъ.** Исповѣдь глупца. Переводъ Мих. Кадишъ.

№ 20—21. **С. Л. Поляковъ-Литовцевъ.** Саббатай Цеви. Повѣсть изъ эпохи мессіанск. движеній.